

ВСЕМИРНАЯ

Клайв Понтинг

ИСТОРИЯ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ВСЕМИРНАЯ
ВЗГЛЯД

Клайв Понтинг

Клайв Понтинг

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 930
ББК 63
П56

Clive Ponting
WORLD HISTORY
A NEW PERSPECTIVE

Перевод с английского
А. Немировой, Н. Тартаковской, А. Бугаковой, В. Гончарова
Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
A.P. Watt Limited и Synopsis.

Подписано в печать 15.01.10. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 60. Тираж 3000 экз. Заказ № 4024088

Понтинг, К.
П56 Всемирная история. Новый взгляд / Клайв Понтинг; пер. с англ. —
М.: АСТ: Астрель, 2010. — 958, [2] с.

ISBN 978-5-17-041524-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271- 28180-8 (ООО «Издательство Астрель»)

Книга Клайва Понтинга «Всемирная история. Новый взгляд» — попытка реконструировать картину мировой истории на основе общих вопросов и событий, объединяющих различные цивилизации.

Отказываясь от евроцентризма, автор освещает основные периоды эволюции человеческого общества: жизнь кочевников, собирателей и охотников; переход к занятию сельским хозяйством; процесс независимого возникновения и развития цивилизаций на разных континентах вплоть до наших дней.

К. Понтинг рассматривает процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных человеческих сообществ и доказывает, что Западная Европа никогда не была единственной движущей силой всемирной истории.

Отказываясь от противопоставления Запада Востоку и анализируя вклад в историю человечества Месопотамии и Древнего Египта, Индии и Китая, Мезоамерики и государства инков — автор демонстрирует, что мир всегда был многополярным и ни одна из цивилизаций не может претендовать на превосходство над другими.

УДК 930
ББК 63

© Clive Ponting, 2000
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

От редакции

Традиционно предисловие к любой книге посвящается ее содержанию, и лишь в конце позволительно сказать пару слов об авторе. Но автор данной книги заслуживает того, чтобы его представили читателю заранее.

Клайв Понтинг, высокопоставленный чиновник британского министерства обороны, прославился в 1985 году, когда был отдан по суд по «Закону о государственной тайне» от 1911 года за разглашение секретных документов о потоплении аргентинского крейсера «Генерал Бельграно» в ходе Фолклендской войны. Смысл документов, с которыми Понтинг ознакомил депутата Палаты общин, левого лейбориста баронета сэра Томаса Дальелла, состоял в том, что дряхлый крейсер не имел никакого военного значения, спешно уходил из района боевых действий и был потоплен лишь затем, чтобы власти могли громко объявить о «победе» и приплюсовать к потерям противника еще несколько сотен человеческих жизней.

Вопреки всеобщим ожиданиям, суд присяжных оправдал Понтинга, хотя ему пришлось уйти с государственной службы, заняв должность «ридера» (экстраординарного профессора) в университете Уэльса в Суонси. Одновременно в газете «Санди Таймс» появилась его первая работа: «**Право знать. Истинная история дела „Бельграно“**». За ней последовали другие: «**Уайтхолл — трагедия и фарс**» (1986), «**Нарушенные обещания — лейбористская партия у власти, 1964–1970**» (1989) «**1940 год: мифы и реальность**» (1990), «**Армагеддон — Вторая мировая война**» (1995) «**Прогресс и варварство: мир в XX веке**» (1998), «**Крымская война — история после мифа**» (2004) и другие. Этими трудами Клайв Понтинг прочно зарекомендовал себя как один из столпов ревизионистского направления в британской историографии.

Представляемая вниманию читателя книга также ревизует взгляд на историю — на этот раз на всю сразу, от возникновения первого человека и до конца XX века. Следует уточнить, что, в отличие от знакомых читателю отечественных «ревизионистов», Понтинг не ставит своей целью кардинально перевернуть представления об истории и доказать простодушному читателю, что в школе ему говорили сплошную неправду. Он всего лишь предлагает отказаться от *европоцентрического* взгляда на историю, рассматривая Европу как периферию мировой цивилизации и культуры, а новое и новейшее время — как маленький кусочек обширной истории человечества.

В целом разделяя основные тезисы так называемого «мир-системного» подхода (о котором подробно говорит во вступлении), автор предпочитает ставить в центр рассмотрения на Европу, а цивилизации Евразии — в первую очередь Юго-Западную Азию и Китай. Как марксист (точнее, неомарксист), Понтинг рассматривает историю человечества точно так же, как нас учили рассматривать ее в школе — с классовых позиций, увязывая возникновение государств с появлением излишков производимого продовольствия, то есть пресловутого «прибавочного продукта». Правда, вопреки советской школьной программе (но не вопреки классическому марксизму) он связывает дальнейшее развитие цивилизации с появлением товарной экономики,

основанной на свободном собственнике и уменьшении масштабов государственного принуждения.

Здесь, правда, у автора наблюдается некоторое противоречие: азиатские империи с высокотоварным хозяйством, приводимые Понтингом как пример успешного рыночного развития, как следует из его же описаний, на практике сплошь и рядом применяли массовое принуждение (например, при осуществлении масштабных общегосударственных проектов типа строительства каналов в Китае). Впрочем, это противоречие снимается описанием возвышения европейских империй Нового времени: автор специально акцентирует внимание на том, что «первоначальное накопление капитала» проводилось за счет жесточайшего ограбления колоний и на раннем этапе обеспечивалось трудом африканских рабов на плантациях в Америке. «Прелестям» капитализма в Британии XIX века Понтинг тоже уделяет немало внимания — в частности, обширно цитируя описания Лондона, сделанные Энгельсом.

Отсюда следует неявный вывод: рыночная экономика, основанная на невмешательстве государства в частную жизнь собственника, отнюдь не противоречит массовому насилию — наоборот, эти явления органично дополняют друг друга. Подчеркнем: автор «Всемирной истории» не акцентирует внимание на этом выводе, подводя к нему исподволь. Он вообще стремится избежать политизированности и злобы дня, вполне сознательно уходя от оценок современной европейской и мировой истории (хотя предыдущим периодам такие оценки дает крайне охотно). При описании второй половины XX века Понтинг основное внимание уделяет формальным цифрам и перечислению общих тенденций, едва ли не демонстративно избегая какого-либо критического анализа.

Тем не менее полностью от европоцентризма автору избавиться так и не удалось. Целенаправленный перенос акцента с Европы на развитие Китая и Азии принимает у него форму антитезы, и европейские оценки продолжают доминировать там, где они не отвергаются впрямую. Стремясь уйти от современной европейской мифологии, время от времени Понтинг начинает повторять политические мифы XIX века — в основном это касается России и ее истории. Также можно заметить, что пробегая галопом истории множества государств и империй, автор в то же время склонен уделять непропорционально много места странам и культурам, не игравшим в мировой истории большой роли — например, Тибету.

Несмотря на указанные недостатки, книга Понтинга дает системное и комплексное представление о мировой истории, изложенное профессионально (по крайней мере, без грубых ошибок), а главное — очень интересно. Думается, что последний фактор является ключевым для книги, желающей обрести действительно широкого читателя.

КЛАЙВ ПОНТИНГ

**ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ**

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

8

*Памяти Бонни Хантер Уилкинсон
(1926–1997)*

Вступление

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Что есть всемирная история? Это не просто собрание историй отдельных государств, империй и цивилизаций, когда-либо существовавших в нашем мире. Такой подход не может выявить ни путей развития этих цивилизаций, ни общих закономерностей этого развития. Так же он не способен отследить то, как разнообразные людские сообщества обменивались между собой знаниями и технологиями. Поэтому желательно реконструировать картину мировой истории на основе общих вопросов и объединяющих событий. При этом следует в равной мере учитывать опыт самых различных человеческих сообществ, не отдавая никому предпочтения.

Фундаментальная цель этой книги состоит в том, чтобы показать: наш взгляд на мировую историю глубоко ошибочен и грешит предубеждениями. Наш просчет основывается на глубоком евроцентризме вкупе с верой в то, что «западная цивилизация» есть главная движущая сила мировой истории, воплощение всего лучшего и прогрессивного, что есть в человеческом сообществе и образе мысли. Такой взгляд тесно связан с недооценкой роли и важности иных традиций и сообществ — то есть опыта большинства населения земного шара. Эта книга попытается предоставить более сбалансированный отчет о человеческой истории.

Самый распространенный подход к написанию мировой истории состоит в структурировании ее вокруг некоего количества «цивилизаций». Одним из первых, предпринявшим такую попытку, был Освальд Шпенглер, чья главная

работа была переведена на английский как «Упадок Запада»* в 1932 году. Главным образом эта книга содержит в себе сравнение «Запада» с греко-римским миром и лишь несколько других примеров. Шпенглер рассматривает цивилизацию как независимый организм, неподвластный внешним вмешательствам, а ее историю — как развитие искусства и философии. Каждая цивилизация, с самого начала, обладает «душой», преисполняющей и направляющей развитие.

Наиболее известная работа, использующая этот подход, — «Постижение истории» Арнольда Тойнби, опубликованная в 12 томах в течение почти 30 лет, начиная с 1930-х годов. Тойнби был типичным представителем европейского мира начала XX века. Подобно Дарвину, он рассматривает цивилизации как живые организмы. Они возникают вследствие «вызова и ответа» в естественной среде и в борьбе за выживание проходят обычный цикл рождения, роста, кризиса и распада. Будучи элитаристом, Тойнби считает «творческое меньшинство» основным действующим лицом их исторических событий.

Другие авторы строили свои собственные системы. Питирим Сорокин в своей «Социальной и культурной динамике» высказывал мнение, что цивилизации — это «культурные суперсистемы», переживающие циклические процессы от «способности формирования и восприятия мысли» к «ощущениям», а затем к «идеалу». Кэрролл Квигли, писавшая в начале 1960-х, полагала, что есть два типа сообществ, «паразитическое» и «продуктивное», каждое из которых обладает своим «типом развития». Ранее Дэвид Уилкинсон выдвинул предположение о «центральной цивилизации», получившейся путем слияния египетской и месопотамской цивилизаций около четырех тысяч лет назад. Впоследствии она включала в себя другие цивилизации — вплоть до 1850 года, когда в ее состав вошла Япония и появилась единая мировая цивилизация. Лучшая из мировых историй — «Возвышение Запада» Уильяма Мак-Нила — так же использует «цивилизационный подход», хотя и обращает внимание на взаимоотношения между этими единицами и на силы, оказывающие на них влияние.

При использовании цивилизационного подхода возникает ряд вопросов. Если рассуждать критически, вообще не существует единого мнения о том, что составляет цивилизацию и сколько таких цивилизаций было всего. Тойнби первоначально представил список из двадцати трех, который к концу его работы разросся до двадцати восьми. Квигли полагала, что существовало лишь шестнадцать цивилизаций. Другие авторы предлагали число девятнадцать.

В частности, некоторые историки рассматривают Японию отдельно от «дальневосточной» или китайской цивилизации, а некоторые объединяют их в одну. В одних системах Китай отделен от остальной Азии. Другие выделяют отдельную «минойскую» цивилизацию на Крите, дру-

* У нас более известна как «Закат Европы». (Прим. ред.)

гие же считают ее всего лишь предшественницей древней Греции. Нет единого мнения по поводу существования отдельной православной христианской цивилизации, а также стоит ли отделять исламский мир от наследия предшествующих ему цивилизаций. Нет решения насчет трактовки отдельных групп, таких как хетты или евреи. Единственное, в чем мнения сходятся, — это существование отдельной «египетской» цивилизации, хотя даты ее возникновения варьируются в пределах более чем двух с половиной тысячелетий, а даты заката — в пределах тысячи лет.

Еще более фундаментальная проблема изучения мировой истории на основе цивилизаций заключается в том, что их идентификация в основном базируется на определенных чертах «высокой культуры». Они включают в себя литературные памятники (особенно «великие книги»), философию, религию и стили искусства — что является почти исключительно привилегией небольшой элиты общества — не забудем, что до недавнего времени большинство мирового населения было неграмотно.

Таким образом, выделяя из всей мировой истории лишь «цивилизации», мы придаем этим элементам человеческой истории слишком большое значение. Более пристальный взгляд выявляет, что почти все эти «цивилизации» состоят из очень разных «культур» и языков — например Китай или Западная Европа. То есть, очевидно, что пути развития человеческих сообществ в Китае и в западной Европе привели к возникновению очень разных культур. Но также очевидно и то, что внутри этих культур наблюдаются такие же большие различия.

Есть доля правды в предположении, что цивилизация несет в себе через времена некую «сущность». Тем не менее игнорируется тот факт, что, например, и Китай и Западная Европа в XIX веке по всем аспектам отличались от самих же себя двухтысячелетней давности. Лишь небольшая часть «цивилизации» действительно переносится через большие промежутки времени. Таким образом, цивилизационный подход с его упором в основном на «интеллектуальные» черты пренебрегает целыми областями человеческой истории — в частности, социальной, экономической, технологической, военной и стратегической, каждая из которых имеет собственное развитие. То есть было бы неправильным сравнивать цивилизацию с существовавшей двумя тысячами лет ранее, поскольку имелись промежуточные экономические, технологические и социальные изменения.

Фокусирование внимания на отдельных цивилизациях неизбежно ведет к рассмотрению их в качестве отдельных подразделений, развивающихся по собственным уникальным схемам. Таким образом игнорируются две фундаментальных черты мировой истории. Первая — это единая экономическая и технологическая основа человеческого общества. Исходя из этой перспективы, намного полезнее выявить сходства между человеческими сообществами, а не различия в некоторых аспектах высокой культуры. Как объясняется в главе 6, общая периодичность в истории ранних «цивилизаций», выявленная Тойнби, является не более чем

общей чертой всех ранних сельскохозяйственных обществ и империй. Вторая проблема сводится к недооценке связей между разными обществами вместе с постоянной передачей идей, религиозных верований и технологий. Единственными цивилизациями, развивавшимися в полной изоляции, были цивилизации Америки. Один из центральных элементов мировой истории — это тот путь, по которому разные сообщества постепенно сближались друг с другом.

Пожалуй, самый распространенный подход к мировой истории — рассмотрение ее через очки «западной цивилизации». Эта традиция глубоко укоренилась в европейской культуре и очень многим обязана идеям европейского превосходства, выработанным в XIX веке. Она принимает тот факт, что «цивилизация» впервые зародилась в Месопотамии и Египте, — но затем быстро переходит к более подходящим истокам «западной цивилизации». Предполагается, что предшественниками «классических» Греции и Рима были Минойская культура на Крите и Микенская в Греции. Они, и в частности первая, рассматриваются как истоки «западного» образа мысли, «рационального» и «научного», а также «западной» политической традиции — в особенности, демократии. Считается, что эти атрибуты передались по наследству лишь Европе.

Хотя в течение короткого времени огромную роль в мировой цивилизации играл ислам, именно подъем Европы, сначала в виде империи Карла Великого, стал движущей силой мировой истории. Эта уникальная, динамичная и предприимчивая культура впервые проявилась в Крестовых походах, а затем после 1500 года — в «эпоху великих географических открытий», она неразрывно связана с несением преимуществ европейской цивилизации всему остальному миру. Именно «западная цивилизация» смогла произвести «научную революцию», «промышленную революцию», технический прогресс, капитализм и уникальную европейскую политическую структуру рационального, ограниченного правительства и демократии.

В этом изложении Китай, Индия и весь остальной мир имеют отдельные, изолированные истории меньшей важности — которые в итоге оказываются сметены наступающей Европой в созданную ей «мировую цивилизацию». Таким образом, Европа рассматривается привилегированной вотчиной мировой истории, характеризующаяся изменениями и развитием. «Запад» противопоставляется в целом «Востоку» (остальной части Евразии), который характеризуется в основе своей иррациональным, авторитарным, статичным и застойным (вплоть до прибытия «Запада»). Наша книга полностью отвергает такой подход.

Вопрос о том, как рассматривать западноевропейскую цивилизацию, в особенности ее период после 1500 года, встает не только при использовании «западно-цивилизационного» подхода, но и в других случаях, когда «цивилизации» считаются основными подразделениями мировой истории. Тойнби выделял западный христианский мир в отдельную цивилизацию. Его взволновало его собственное заключение — соглас-

но якобы выведенным им «законам» истории, этот мир был обречен прийти в упадок. Тойнби не пришел в восторг от такой перспективы и большинство последующих томов его работы представляют из себя не более чем размышления о том, как этого можно избежать. Глобальная экспансия «цивилизации», начавшаяся в Западной Европе, безусловно, изменила пути взаимодействия мировых цивилизаций. Именно в этой точке, расположенной в середине XIX века, Уильям Мак-Нил приходит в своей книге к неутешительному выводу. Однако его мысль понятна — история ведет к «Возвышению Запада» и к его господству в мире.

В начале XXI века этот факт далеко не так очевиден, чем тогда, когда в 1950-е годы Мак-Нил писал свою книгу. В замечательной, полной самокритики работе, посвященной 25-летию публикации «Возвышения Запада», Мак-Нил признает, что главное слабое место его великой работы заключалось в следующем. Он не принял в расчет, что от создания Западной Европой после 1500 года интегрированной мировой экономики (а также ее продолжения в Северной Америке) выиграла в первую очередь она же сама. Частично это является принятием того факта, что любой подход к мировой истории, изначально основанный на идее «цивилизации», вынужден недооценивать роль экономики и социальной истории. Также это признание трудов Эммануила Валлерстайна, с начала 1970-х развивавшего идею «мировых систем». Валлерстайн доказывает наличие фундаментального разрыва в мировой истории около 1500 года, когда Европа создала мировую капиталистическую систему, не связанную напрямую ни с какой политической империей (в отличие от предыдущих систем эксплуатации). В процессе этого мир перестроился: получилось «ядро» из богатых промышленных государств, «периферия» из отсталых зависимых сельскохозяйственных и «полупериферия» с промежуточным статусом.

Некоторые историки пытались применить метод различных типов «мировых систем» к периодам до 1500 года. Результаты оказались правдоподобны, но попытки не были доведены до конца. Тем не менее Валлерстайн отвергает все эти попытки, утверждая, что ситуация после 1500 года в мировой истории уникальна. Проблема этого подхода состоит в его чрезвычайном евроцентризме. Он утверждает, что Западная Европа была единственным движущим элементом в мире, и что уже в 1500 году она была достаточно сильной для реформирования других установившихся сообществ и экономик. Эта работа утверждает, что Западная Европа не была настолько мощной в течение значительного времени и что лишь к середине XVIII века она достигла ситуации паритета с государствами Азии — в частности, с Индией и Китаем.

Идея уникальности Западной Европы в экономическом и социальном отношении освещалась не только в работах Валлерстайна или его интеллектуальных оппонентов, приводивших доводы в пользу «европейского чуда» — права собственности, частного предпринимательства, свободы, создания и накопления благосостояния и всех выгод свободного

рыночного капитализма и ограниченного правительства и демократии. Марксизм также отражает многие взгляды, преобладавшие в Европе XIX века — в частности, веру в прогресс как корень человеческой истории. Марксистский взгляд на историю с его фиксированными этапами развития человеческого общества — примитивный коммунизм, рабовладельческое общество, феодализм и капитализм (и следующий за ним неизбежный триумф коммунизма) — полностью основан на европейском опыте, известном к середине XIX столетия. Он также безнадежно евроцентричен. То, что Маркс предполагал (или знал) о других обществах, было принято не учитывать, считая это формой «восточного деспотизма». Следовательно, историки-марксисты попытались подогнать развитие всех человеческих сообществ под модель, разработанную с его точки зрения на европейское прошлое.

Однако важно то, что Маркс обратил внимание на факт, что все человеческие сообщества основываются на эксплуатации — доминирующая элита (и государство) экспроприирует излишки продуктов, производимых большинством, для своих собственных целей. В самом деле, сама идея «цивилизации» основывается на том, что первые сельскохозяйственные государства производили избыток продовольствия, который можно было использовать для содержания других людей — жрецов, правителей, солдат и ремесленников — то есть тех, кто ее не производил, и для создания более сложного, структурированного и иерархического общества. Именно в этом смысле в нашей книге используется термин «цивилизация».

Вероятно, сначала избыток продовольствия отдавался для обеспечения общины добровольно. Но это никак не влияет на тот факт, что вскоре процесс стал принудительным. На одном уровне все, что изменилось с течением истории, — это характер этого избытка. Сперва он был сельскохозяйственным, но постепенно, путем технологических изменений и большим использованием источников энергии, открылись новые возможности — общество превратилось в промышленное и фундаментально изменилось. Маркс назвал последние стадии этого процесса «капитализмом» и считал явлением, уникальным лишь для Европы. Однако корысть, жажда наживы и выгоды путем инвестиций, торговли и предприятий присуща всем человеческим обществам на протяжении истории. Фактически впервые в крупном масштабе она развилась в Китае, а не в Европе. Перемены, произошедшие в Европе примерно после 1600 года, были результатом не этой деятельности, а перехода на нефть и каменный уголь в качестве источников энергии, а также развития новых промышленных технологий. Все это обеспечивало большие возможности для приобретений. Другие теории, такие как идея Макса Уэбера о преимущественно протестантском происхождении капиталистического духа Европы, можно также отметить как безнадежно евроцентричные.

Итак, каким образом наша книга будет рассматривать эти вопросы? Она отказывается от евроцентричного подхода в пользу более широко-

го взгляда на мировую историю, который не отдает предпочтения ни одной части света. В первую очередь этот подход хронологический — он пытается охватить историю всего мирового сообщества через время. *Первая часть*, самая короткая, освещает самый длинный период эволюции человека — его расселение по миру и жизнь примитивного кочевника, собирателя и охотника. *Вторая часть* рассматривает самую фундаментальную перемену во всей человеческой истории — переход к занятию сельским хозяйством и, таким образом, к оседлости. Она также исследует процесс независимого возникновения «цивилизаций» по всему земному шару. Последняя глава в этой части (глава 5) касается этого процесса на американском континенте и в Тихом океане и прослеживает их историю вплоть до первых контактов с европейцами. Мы занимаемся этими культурами потому, что они были изолированы и развились в уникальные цивилизации, но ко времени встречи с европейцами достигли лишь уровня развития, примерно эквивалентного уровню Евразии в 2000 до нашей эры (там, где заканчивается глава 2).

Третья часть освещает историю ранних сельскохозяйственных империй примерно до 600 года нашей эры. *Четвертая часть* начинается с фундаментальной перемены, спровоцированной подъёмом ислама, рассматривает крупные события, происходившие в Китае около тысячи лет назад, а также нашествие монголов. *Пятая часть* снова охватывает историю в мировом масштабе и изучает мировой баланс в период завоевания европейцами Америки и их первых прямых контактов с азиатскими государствами. Последняя, *шестая часть* посвящена возникновению современного мира и рассматривает крупные экономические, социальные и политические перемены последних двух с половиной веков с позиций мировой истории.

Несколько общих тем проходят через все наше повествование. Первая касается того, как разнообразные цивилизации постепенно входили в контакт друг с другом. Сначала это произошло в Месопотамии и Египте. В течение нескольких тысяч лет был налажен контакт с долиной Инда, а затем с Китаем. Сначала контакты между окраинами Евразии были косвенными, но в конце концов все цивилизации вступили в прямое взаимодействие. Ни один район Евразии не находился в долгой изоляции.

Вторая тема касается того, как значительные идеи, технологии и религии передавались от группы к группе. Окончательно доказано, что именно это явление более важно, чем уникальные культурные элементы каждой цивилизации. Таким образом происходит соединение истории всех этих регионов. Время от времени одна из групп выделялась своими передовыми технологиями — но это преимущество не было долгим. В конце концов, нельзя обеспечить монополию на свои открытия и изобретения и они передаются другим обществам. Например, в течение примерно 500 лет после 1600 года особенно продуктивен был Китай. Здесь изобрели печать, бумагу, компас, порох и, среди всего прочего,

передовые технологии по обработке железа. Но все эти изобретения со временем разошлись по миру. Аналогично, в Европе в течение сотни лет после середины XVIII века произошел ряд промышленных изменений, но и они быстро распространились по миру. Более быстрый темп распространения был не более чем следствием растущей интеграции человеческих сообществ — еще одного феномена, прослеживающегося на протяжении всей мировой истории.

Третья тема рассматривает расширение «изначальной» территории цивилизации. Все первоначально цивилизованные общества были окружены менее развитыми областями («периферией»), которую эти общества обычно эксплуатировали в экономическом отношении. Тем не менее влияние этой эксплуатации и контактов с передовыми обществами имели решающий импульс на элиту периферии. Они побуждали ее наращивать свои силы и развивать свои собственные примитивные государственные структуры путем возможности контроля над контактами с более развитыми территориями. Результатом было постепенное распространение «цивилизации». Этот процесс особенно нагляден на примере влияния Месопотамии и Египта сначала на Левант и далее на Крит, материковую Грецию, Италию и Иберийский полуостров, в итоге превратившего Западную Европу в более широкую «цивилизованную» территорию. В Китае цивилизация постепенно перемещалась из центральных речных областей на север — и, что более важно, в высокопродуктивные районы к югу от Янцзы, пригодные для интенсивного рисоводства. Подобный процесс происходил примерно тысячу лет назад на территории Восточной Европы и России, где развивались свои собственные примитивные государства.

Четвертая тема рассматривает взаимоотношения между оседлыми сообществами и их кочевыми соседями. Первые называли последних «варварами» и обычно представляли их в виде безжалостных всадников, пронсящих по городам цивилизованного мира разрушающим вихрем. Это фундаментальное заблуждение. Кочевые племена не смогли бы выжить без оседлых поселений и во многом от них зависели. Секрет успеха кочевых племен заключался в их военном превосходстве. Практически невозможно победить вооруженного луком всадника, готового в любой момент исчезнуть в степи. Оседлые сообщества предпочитали откупаться от «варваров», хотя им (в частности, успешным китайским династиям) нравилось думать, что они находятся на более высоком культурном уровне и что именно кочевники платят им дань, а не наоборот. На практике же кочевники очень быстро поняли, что лучше пользоваться плодами цивилизованного мира, чем организовывать на него крупномасштабное нападение. Поэтому такие нападения были исключениями.

Основной причиной экспансии цивилизованного мира, постепенно сужавшей территорию кочевников, была необходимость получения разнообразных продуктов, которые можно было найти только на перифе-

рии. Торговля — ее развитие, потребность в большем количестве товаров и необходимость в их транспортировке на большие расстояния — составляет пятую из основных тем. Уже в древнейшей цивилизации Месопотамии мы находим купцов и торговцев, покупающих и продающих товары на территории первых городов в Ливане, Омане, на Иранском нагорье, в Анатолии и даже в долине Инда. Тот факт, что эти товары были в основном предметами роскоши, не умаляет важности торговли в развитии контактов и в повышении благосостояния.

Торговля крупными предметами велась очень давно — из-за плохого сообщения по суше они переправлялись морем и по рекам. Быстро развивались города, зависевшие от торговли, и практически все правители и государства пришли к выводу, что богатые торговцы и города нуждаются в большей степени независимости. Правители признали, что лучше обложить торговлю налогом и получить прибыль.

Торговля постепенно создала два «океанских мира» — Средиземноморья и Индийского океана. Последний связывал регион Персидского залива, через Индию и Юго-Восточную Азию с Китаем. Эти океанские миры создали широкую сеть торговых, технологических и религиозных контактов, которые были намного больше любого государства или империи. Одной из главных сухопутных дорог был «Великий Шелковый Путь», окончательно связавший Китай и Восточное Средиземноморье через центральную Азию и Иран. Именно по этим дорогам переносились величайшие мировые религии, частично торговцами, но также и пилигримами и учителями, двигавшимися с купцами. Третьим «океанским миром» с XVI века стала созданная Европой Атлантика.

Шестая наша тема посвящена роли Европы в мировой истории. Практически на протяжении всех последних пяти тысяч лет или около того, со времени развития первых цивилизаций, Европа находилась на периферии. До последнего тысячелетия в ней не было даже государств, а в экономическом и социальном отношении она сильно отставала от давно сложившихся сообществ — таких, как Египет, Месопотамия, Иран, Индия и Китай.

На протяжении практически всей человеческой истории самые богатые и развитые государства существовали в Азии. Большинство исследований, написанных с точки зрения «западной цивилизации», игнорируют этот неудобный факт и предпочитают рассматривать Европу в героическую эпоху «Великих открытий» уже как самую динамичную и процветающую территорию мира. Настоящая книга доказывает, что это фундаментальное заблуждение. Еще со времен начала торговых отношений между Средиземноморьем и государствами на побережье Индийского океана именно «Запад» нуждался в продукции «Востока». Проблема заключалась в том, что ему мало чего было предложить «Востоку», в результате чего бесконечный поток драгоценных металлов тек на «Восток» в уплату за его предложения. Когда же иссякли запасы золотых и серебряных слитков, то и торговля пришла в упадок. Лишь после

1500 года Европа смогла использовать феноменальные источники богатства в Америке, чтобы проникнуть в давно основанный богатый торговый мир на побережье Индийского океана.

Основная идея 5 главы заключается в том, что было бы ошибочным считать Европу доминирующей территорией в мире даже после 1500 года. Она смогла легко навязать свою волю американским индейцам из-за гораздо более низкого уровня технического развития на этом изолированном континенте и неожиданного влияния европейских болезней на население, не имевшее естественного иммунитета. Влияние Европы на такие великие империи, как Османская, Китайская, Могольская империя в Индии или иранская держава Сафавидов было минимальным. Больше, на что были способны европейцы, — это установить несколько торговых факторий вдоль побережья. Таким образом в период между 1500 и 1750 годами Европа оказалась способна лишь сравняться по богатству и могуществу с великими империями «Востока».

Теперь мы подходим к седьмой главной теме — как был создан современный мир индустриализации, быстрых технологических перемен, мир высокого потребления энергии и урбанизированных сообществ. Практически всегда со времен перехода к сельскому хозяйству все человеческие группы занимались земледелием — 9 из 10 человек зарабатывали себе на жизнь именно так. Тем не менее представляется неизбежным, что постепенный рост благосостояния в результате торговли, улучшающаяся инфраструктура и медленный рост технического развития означали, что какое-то общество в конце концов превзойдет эти пределы. Так почти случилось с Китаем в XI и XII веках — но эта империя пала из-за внешний вторжений, сначала чжурчженей, а затем монголов. То же могло случиться и с исламскими странами — на протяжении веков они были намного богаче и более развитыми, чем Европа.

И все же именно Европа совершила этот переход. Она смогла это сделать, так как переняла большое количество технологий и идей от остальной территории Евразии: доменную печь, бумагу, книгопечатание, порох, производство часов, судовой руль, стремени, сложные приспособления для счета, «арабские» цифры, понятие нуля и даже основные компоненты парового двигателя, который тоже был первоначально разработан в Китае.

Все эти перемены и промышленный прорыв, произошедший с середины XVIII века, дали Западной Европе (и ее боковой ветви в Северной Америке) кратковременное преимущество над всем остальным миром. Но даже тогда весь остальной мир не последовал ее примеру. Эволюция современных обществ и экономик была глобальным процессом, в котором весь остальной мир не только повторял, просто более медленно, процессы в Европе. Каждое сообщество выработало свои собственные изменения. Некоторые из них были более удачными — зачастую из-за того давления, под которым они совершались. Тем не менее влияние Европы было кратковременным и ограниченным. Такие страны, как

Япония и Китай, сами ответственные за свою судьбу, а европейское влияние на них было намного меньшим, чем того бы хотелось приверженцам идей «западной цивилизации».

Вся книга посвящена идеям единства и разнообразия. Человеческие общества имели очень сходные изначальные условия существования и в результате столкнулись со сходными проблемами. Тем не менее многие решения этих проблем были различными и каждое общество, империя и государство имели свои собственные уникальные характеристики. Однако контакты между ними привели к смешению идей и технологий, и все перенимали друг от друга различные элементы. В конце концов, ни одна человеческая группа не смогла развиваться сама по себе и лишь малая часть ее культурного и технического наследия является уникальной. Каждое сообщество было подвержено новым и новым взаимодействиям идей.

Например, эта книга написана на английском, языке по большей части германской группы, появившемся у англосаксов около 1500 лет назад, но также сохраняющим многие элементы французского и латыни, а также включающем слова практически из всех языков мира. Его алфавит был изобретен финикийцами в Леванте около 3000 лет назад и сам происходит из множества источников. Вверху страницы находятся числа, которые европейцы называют арабскими — хотя по своему происхождению они индийские, именно там родилась идея позиционной системы исчисления. Книга напечатана на бумаге — китайском изобретении. Вплоть до последнего десятилетия книги печаталась разборным шрифтом, идея которого родилась в Китае — хотя сам по себе металлический шрифт, используемый в Европе с XV века, был изобретен в Корее.

Любая попытка написать мировую историю (особенно не с позиций евроцентрического подхода) неизбежно сталкивается с острой проблемой терминологии. Например, не следует употреблять некоторые названия. Термин «Дальний Восток» был изобретен в британском министерстве иностранных дел в XIX веке. Наряду с Ближним и Средним Востоком он является военным термином для обозначения разных областей командования. Два последних термина особенно неудачны, поскольку содержат сразу две ошибки. Во-первых, они исключают Грецию (как часть Европы) — когда как на протяжении практически всей истории не существовало разделительной линии вдоль современной западной границы Турции, отмечающей начало «Азии». Восточное Средиземноморье, Греция, побережье Эгейского моря и Анатолия всегда образовывали единое пространство, часть мира, с центром скорее на востоке, а не на западе. Во-вторых, «Ближний Восток» включает в себя Иран — несмотря на тот факт, что эта территория всегда сильно отличалась от областей западнее нее (хотя иранские империи часто контролировали эти зоны) и имела такие же многочисленные контакты как на востоке с Индией и с Центральной Азией, как и на западе. Имели место

даже попытки принять термин Мак-Нила и назвать Европу «Дальний Запад», но они не прижились.

Центральная концепция этой книги рассматривает Евразию как единую историческую территорию. Геродот (называемый «Отцом истории», хотя это снова проявление евроцентристского подхода — в Китае в то же время также работали выдающиеся историки) не принимал концепцию отдельных Азии, Европы и Африки: «Почему три разных названия следует применять по отношению к участку земли, который на самом деле один?». Мысль о том, что Европа отделена от Азии, отражает определенный образ мысли, характерный для «Запада». Тем не менее существование самой Евразии является географическим фактом, и имело фундаментальное значение для истории. (Население данной части суши до недавнего времени не употребляло термин «Азия», и в этой книге мы используем его крайне неохотно и лишь в противоположность термину «Европа».)

Евразия рассматривается нами как единый континент, так как Европа таковым не является, и уж конечно, нельзя назвать Индию субконтинентом — а если сделать это, тогда и Европу придется именовать так же. Если рассуждать логически, то Европа — это Западная Азия (особенно если Индия — Южная Азия), но этот термин был нами отвергнут, как слишком непривычный. Также не вошло в обращение название Евразия-Африка как слишком неудобное.

Таким образом, следует включать в понятие Евразия те области Африки, которые разделили историю этого континента — в частности, Египет и север Африки, а также часть Западной Африки (после того, как были открыты верблюдьи дороги через Сахару) и восточной Африки (с открытием торговых путей вдоль побережья для кораблей из Залива, Индии и Китая). Термины, используемые в этой книге, главным образом географические. Например, Юго-Западная Азия включает территорию от Анатолии до Месопотамии и простирается до Египта на юге. Современные географические термины, такие как Иран, используются для удобства в географическом смысле и никак не связаны с современными государствами.

Хронология также поднимает много вопросов. Такие термины, как «классический» и «средневековый», не могут быть использованы, поскольку отражают определенный «западный» взгляд на историю. Использование такой периодизации в отношении других частей Евразии ведет к серьезному извращению фактов. Данная книга пытается избежать употребления такого деления и представить историю мира в виде длинного непрерывного процесса. Использование терминов «до рождения Христа» и «наша эра» также подразумевает принятие западного христианского взгляда на историю. На самом деле использование термина «наша эра» (даже если бы мы знали, когда она началась) не является общепринятой и общехристианской точкой зрения. Византийское церковное летоисчисление начинается с сотворения мира за 5508 лет до

рождения Христа — таким образом, 800 год нашей эры являлся годом 6308-м. Использование «+» и «-» не прижилось, так последний знак слишком сходен с тире. Все же эта книга использует обозначения «до нашей эры» и «нашей эры» — а в отношении дат последнего тысячелетия, когда нет неопределенности, последнее опускается.

При транслитерации имен собственных используется для удобства обычные «западные» формы. Там, где некоторые термины не имеют точного эквивалента, они сохранены, как в языке оригинала. Особой задачей является транслитерация китайского. Система Уэйда-Джайлса, разработанная в конце XIX века, сохранена вместо современной системы «Пиньин», недавно разработанной в Китае. Таким образом, для обозначения династического имени Цзинь мы будем использовать *Ch'in*, а не *Qin*, для имени Сун — *Sung*, а не *Song*. Бейцзин же остается Пекином. Частично это сделано из-за того, что так привычнее и удобнее. Но через несколько десятилетий одна система сменит другую.

Многие ученые высмеивают идею написания всемирной истории, так она связана с широкими обобщениями в ущерб важным деталям. Тем не менее вся история — это одно большое обобщение, за исключением некоторых деталей. Ни одно исследование не может быть абсолютно полным, а все историки выбирают лишь то, что сами считают важным. Если есть такая необходимость, то всемирная история может сосредоточиться на лесе, не видя при этом деревьев.

Таким образом, в разумных пределах, следует рассматривать главные факты, которые сформировали человеческую историю. Однако концентрация внимания на деревьях таит в себе опасность не увидеть связи между событиями, не узреть взаимоотношений и взаимопроникновений между человеческими сообществами, а также их единство и разнообразие.

ЧАСТЬ I

99 % человеческой истории (около 10 000 лет до нашей эры)

Глава 1. Истоки

Невозможно начать с самого начала. Идентификация ранних предков современного человека затруднена отрывочностью сведений — отпечатанных в камне неполных скелетов, которые не поддаются точной датировке. Мнения экспертов на то, как организовать эти свидетельства и каковы отношения между разнообразными найденными скелетами, фундаментально расходятся. Какие останки можно сгруппировать в отдельные виды? Как они соотносятся между собой? Из каких видов развился современный человек? Это только некоторые из важнейших вопросов. Ответить на них можно лишь частично.

1.1. Приматы

Отношение человека к остальному живому миру известно хорошо. Он принадлежит к отряду приматов класса млекопитающих, в котором насчитывается 185 существующих видов. Приматы делятся на два подотряда — антропоидов (человекообразные обезьяны, обезьяны и человек) и полуобезьян (лемуры и долгопяты). Все они — высокоорганизованные животные тропиков, имеющие руки и ноги, которые могут захватывать предметы с помощью противопоставленных больших пальцев. Единственным исключе-

нием из последнего утверждения являются люди, у которых ноги превратились в платформы, на которых они стоят. У приматов на конечностях вместо когтей имеются ногти, а передвигаются они преимущественно на задних ногах. Они больше полагаются на зрение, чем на обоняние, и их глаза находятся на передней части головы, обеспечивая стереоскопическое зрение. Скорость их размножения очень низкая — много ниже, чем у других млекопитающих. У них маленькие семьи, часто с одним детенышем, о котором они тщательно заботятся.

Очень дальний и незначительный предок всех приматов, вероятно, был свидетелем вымирания гигантских рептилий 65 млн лет назад — но точное происхождение антропоидов неизвестно. Вероятно, они имели общего единого предка — скорее всего, это было существо под названием *Aegyptopithecus* — оно было размером с лису и обитало в долине Нила примерно 35–30 млн лет назад. Доподлинно известно лишь то, что примерно 20–25 млн лет назад произошло фундаментальное расхождение среди антропоидов, когда человекообразные обезьяны (и в итоге человек) отделились от остальных обезьян. Неизвестно, где и когда это точно произошло, из-за крупных пробелов в найденных окаменелостях.

Было обнаружено несколько видов ранних человекообразных обезьян. Среди них *Proconsul africanicus* (обитавшее на деревьях животное, размером с бабуина, имевшего признаки и обезьян, и человекообразных, жившее 22–18 млн лет назад) и *Sivapithecus* (животное, подобное орангутангу и жившее в Юго-Западной Азии 7–12 млн лет назад). Это лишь два примера из большого количества человекообразных обезьян, процветавших в течение долгого периода.

Тело и мозг человекообразных обезьян медленно увеличивались, а сами они изменяли образ жизни, переходя от питания фруктами на деревьях к питанию листьями, а также к добыванию пищи из наземных источников. Следующий этап развития произошел где-то 5–10 млн лет назад, когда сам класс человекообразных обезьян раскололся, и гориллы отделились от шимпанзе и гоминидов, прямых предков человека.

К сожалению, никаких останков этого периода не найдено, и можно лишь предполагать, что именно тогда произошло. Хотя эволюция человекообразных лишь фрагментарно подтверждается найденными останками, современный анализ ДНК ныне живущих человекообразных обезьян в целом доказывают эту теорию. Люди — очень дальние родственники обезьян, но находятся в более близком родстве с гиббонами и орангутанами и совсем близки к африканским человекообразным. Ближайшим родственником человека является шимпанзе, с которой у нас общие 98,4 % ДНК и 99,6 аминокислот.

1.2. Предки человека

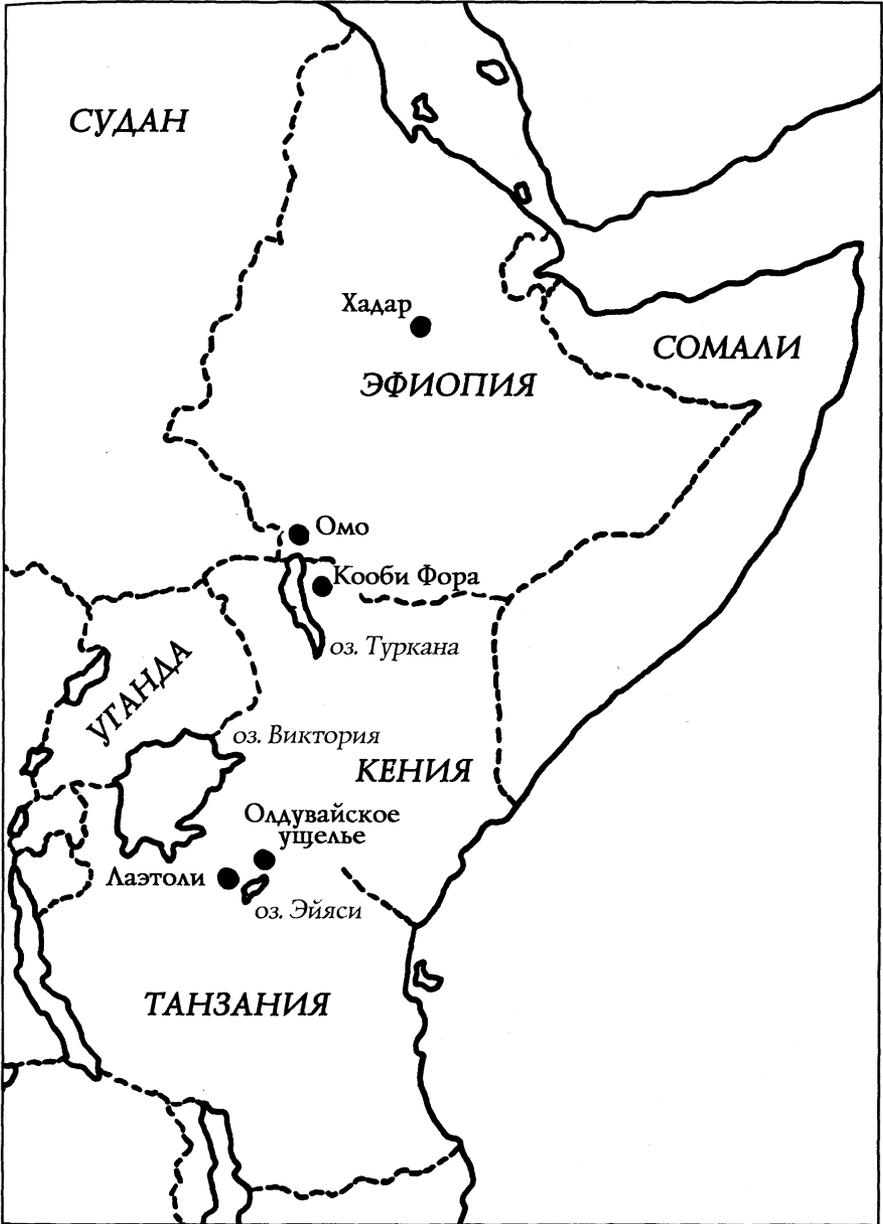
Мы практически уверены в том, что семейство гоминидов (единственным живым представителем которого является современный человек)

возникло около пяти миллионов лет назад. В течение последних 75 лет было найдено достаточное количество окаменелых останков — но ученые еще не пришли к единому мнению по поводу их классификации: какие из них сформировали отдельные виды, а какие превратились непосредственно в человека. Сначала почти каждые новые найденные останки выделялись в отдельный вид, однако теперь существует тенденция к сокращению количества видов путем признания большей степени разнообразия внутри видов.

Но даже в этом случае картина остается очень запутанной; вероятно, на данный момент открыто не более половины всех видов гоминидов. Хотя одно из самых ранних открытий было сделано в Южной Африке, практически все важнейшие находки происходят из Восточной Африки и остается неясным, не является ли она основным центром окаменелостей. Тем не менее очевидно, что внутри семейства гоминидов произошел ряд изменений, пока они приспосабливались к новой окружающей среде и новым способам добывания пищи — в частности, к жизни на более открытых пространствах, покрытых травой саванн, а не в тропическом лесу. В эволюции семейства гоминидов имели место четыре основных фактора: наземный образ жизни, переход к хождению на двух ногах, освободивший «руки», увеличение размеров мозга, развитие культуры и ее передача посредством речи. Первые два произошли у ранних гоминидов, последние имели место гораздо позднее.

В прошлом эволюция человека часто представлялась в «героических» терминах — как эволюция посредством достижения тех отличительных признаков, которые сделали возможным для них управление миром. Тем не менее следует напомнить мнение Стивена Джей Гулда: *«Самая распространенная ошибка в понимании эволюции заключается в убеждении, что она неизбежно ведет к прогрессирующему улучшению жизни»*. Эволюция гоминидов была всего лишь серией случайных событий, разделенных длинными отрезками времени. Их нельзя было предсказать, у них не было конечной цели. Совершенно не обязательно, что современное человечество должно было появиться вообще. Таким образом, переход к хождению на двух ногах случился не потому, что нужно было освободить руки для производства инструментов, — он был второстепенным и неожиданным последствием развития, случившегося по другим причинам. То есть, следует рассматривать ранних гоминидов не в качестве предшественников человека, а как отдельный вид, приспособившийся к определенным условиям окружающей среды, чьи характеристики позволили им успешно эволюционировать далее. На самом деле сейчас мы склонны рассматривать этих ранних гоминидов более похожими на человекообразных обезьян, а не на человека.

Ранние гоминиды известны под названием Australopithecines (австралопитеки — южные человекообразные обезьяны). Большинство мнений сходятся на том, что самый ранний известный науке вид — это *Australopithecus afarensis*, существовавший в течение миллиона лет около

Карта 1. Стоянки ранних гоминидов в Восточной Африке

3,7 млн лет назад. (Известен всего лишь один вид старше 3 млн лет — но наверняка существовали и другие). Наиболее полные находки (в общей сложности 65 останков) обнаружены в Хадаре (Эфиопия) — в частности, скелет, которые его открыватели Морис Тайеб и и Дональд Йохансен назвали «Люси»*. Эти окаменелые останки, почти наполовину сохранившиеся, принадлежат женщине высотой около 4 футов и в возрасте примерно между 19 и 21 годами. Этот скелет можно считать современным находкам Мэри Лики, сделанным далее к югу, в северной Танзании, в Лаэтоли. Наряду с останками 13 других гоминидов она обнаружила окаменевшие следы гоминида ростом примерно 4 фута и 17 дюймов, идущего к водою.

Эти скелеты и отпечатки подтверждают, что *Australopithecus afarensis* ходил на двух ногах — но так как его колени оставались согнутыми, а руки очень длинными, то можно предположить, что он все еще лазил по деревьям. Таким образом, адаптация первых гоминидов, за миллионы лет до изготовления первых инструментов, заключалась в подготовке к ходьбе на двух задних ногах. Приматы редко ходят на двух ногах, и никто другой, кроме гоминидов не делает это регулярно. Это крайне рискованное занятие, требующее значительных мускульных усилий и специальных и анатомических приспособлений — прежде всего для сохранения равновесия.

Вероятно, этот способ передвижения выработался для адаптации к новым условиям окружающей среды, так как климат в Восточной Африке стал более засушливым, а количество открытых саванн увеличилось. Вполне может быть, что хождение на двух ногах обеспечило более эффективный способ путешествий, для использования новых разнообразных пищевых источников, в том числе, вероятно, и мяса падших животных. Оставшаяся у гоминидов способность лазать по деревьям обеспечивала им укрытие от хищников.

Тем не менее мы не должны слишком преувеличивать человеческие способности этих ранних гоминидов. Их мозг все еще был размером с мозг шимпанзе, размер их зубов находился примерно между таковым у человека и человекообразных обезьян; также все еще наблюдался сильный половой диморфизм (характеристика, заметная у человекообразных обезьян и намного менее очевидная у людей) — самцы были на тридцать процентов выше и почти вдвое тяжелее самок. Кроме того, нет свидетельств, что эти животные делали хоть какие-то инструменты.

Немного позднее, чем *Australopithecus afarensis* (около 2 млн лет назад), и одновременно друг с другом существовали сразу несколько видов гоминидов. Одним из них был так называемый «крепкий» вид, представители которого имели плоское лицо с огромными надбровными дугами, служившими основой для массивных мускулов, предназначенных для

* Имя было взято из песни «Битлз» «Люси в небесах с бриллиантами». (Прим. ред.)

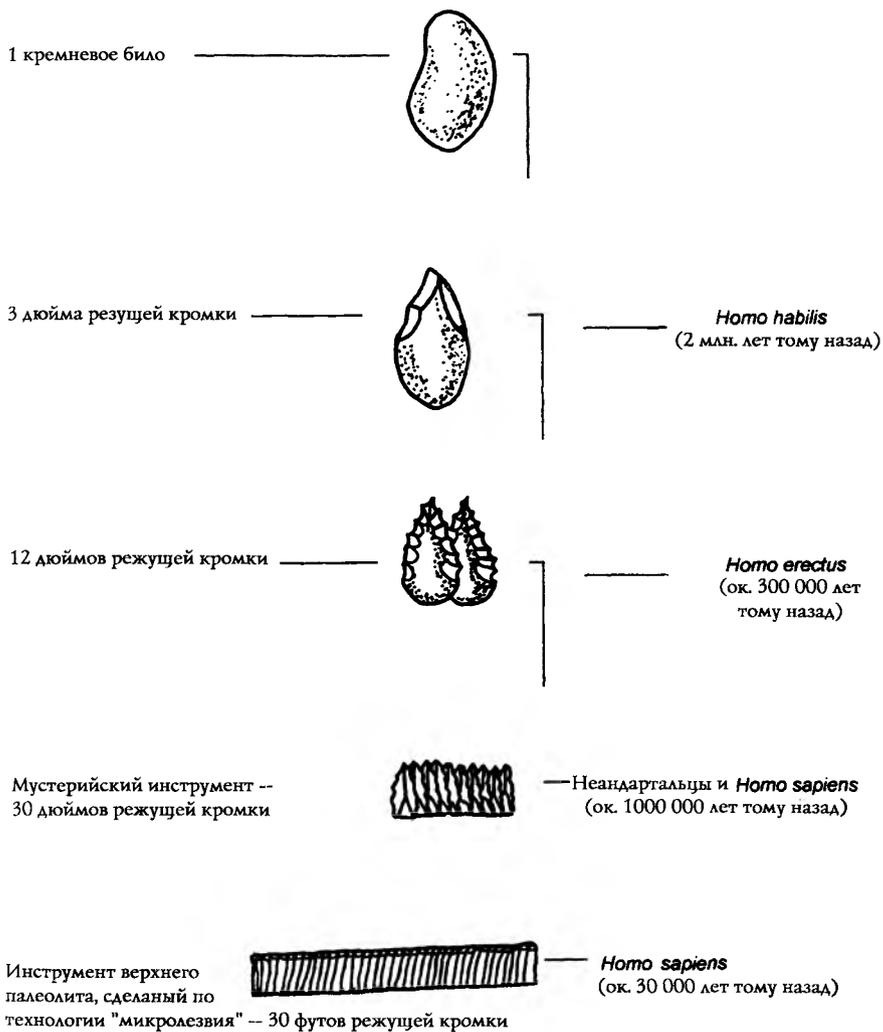

Схема 1. Первобытные технологии — увеличение эффективности производства каменного инструмента

жевания и перемалывания пищи. Это, вероятно, было приспособлением для определенной диеты — так как в остальном эти существа были очень похожи на более «грациозные» виды, которых насчитывалось от трех до шести типов. Самым известным из представителей последних был *Australopithecus africanus*, открытый Реймондом Дартом в 1925 году в Южной Африке, в Стеркфонтейне. Женские особи этого вида были примерно 4 фута в высоту, весили около 60 фунтов, а их мозг был чуть больше мозга шимпанзе. Трудно определить взаимоотношения между этими видами, но ясно одно — не существовало простой «лестницы», поднявшись по которой, эти животные превратились в человека. Также существует предположение, что «крепкий» вид не развился в современного человека — он вымер около миллиона лет назад.

1.3. Первые люди

Вполне возможно, что род *Homo*, прямой предок современных людей, появился около двух миллионов лет назад. Вероятно, они жили рядом с австралопитеками в тех же условиях и лишь немногим от них отличались. Фундаментальный, но так еще и не решенный вопрос заключается в том, существовали ли одновременно один или два вида *Homo*. Первое свидетельство было обнаружено в Олдувайском ущелье — разломе в долине Серенгети в северной Танзании, представляющем собой дно древнего озера возрастом 2 млн лет. В начале 1960-х Ричард Лики обнаружил здесь скелет представителя вида, названного им *Homo habilis* так как он ассоциировался с использованием орудий труда. Тип скелета был очень близок *Australopithecus africanus*, его предполагаемый рост не многим более 3 футов. Основное отличие заключалось в черепе — он меньше походил на череп человекообразных обезьян, имел зубы, куда более похожие на человеческие, и размер мозга около 650 кубических сантиметров — больше, чем у шимпанзе. Именно на этом основании Лики предположил, что это прямой предок человека. Однако более поздние находки из района озера Туркана и раскопок в Омо и Кооби Фора, в частности череп обозначенный как ER-1740, дополнили картину существом с большим объемом мозга — около 800 куб. см, а вдобавок значительно более высоким. Доводы в пользу того, что это не был тот же *Homo habilis*, были подтверждены открытием в Олдувае в 1986 году скелета из 300 частей (ОН 62). Это дает повод предполагать, что *Homo habilis* совсем не был человеком. Эта особь женского пола мало чем отличалась от «Люси», хотя и жила на миллион лет позднее. Она была всего 3 фута ростом, имела очень длинные руки, приспособленные для лазанья по деревьям, и ярко выраженные черты полового диморфизма. Лишь только подобные размер мозга, ноги, челюсть и зубы дают основания утверждать, что это существо более походило на человека.

Наконец, существуют сильные сомнения относительно самого существования вида под названием *Homo habilis*. По крайней мере, половина

останков, приписываемая этому виду, была охарактеризована некоторыми экспертами как принадлежащие иным видам. Если он и существовал, то размеры мозга у его представителей весьма сильно различались. Кроме того, он не мог существовать в течение длительного времени, так как первые окаменелые останки, точно принадлежавшие роду *Homo*, датируются 1,6 млн лет назад. Они также найдены в районе озера Туркана. На раскопках в Кооби Фора был найден хорошо сохранившийся череп (KNMER 3733). Он был идентифицирован как первые известные окаменелые останки прямого предка современного человека — *Homo erectus*. Размер мозга этого существа составлял около 900–1100 куб. см — в два-три раза больше объема мозга шимпанзе, а его верхний предел достигал размера мозга современного человека. Это человекоподобное существо, вероятно, имело рост примерно 5 футов 6 дюймов и очень хорошее зрение. Другие останки с того же места (WT-15000) принадлежат одиннадцатилетнему мальчику, затоптанному насмерть. Скелет по своей структуре очень современный, а сам мальчик был ростом около 5 футов 4 дюймов — намного выше даже взрослого австралопитека.

Homo erectus был очень стабильным видом, он просуществовал в течение миллиона лет до того как его сменил современный человек. За этот период средний размер мозга медленно увеличился, а признаки полового диморфизма уменьшились — в среднем особи женского пола были лишь на 12–15% меньше особей мужского пола. Значительное увеличение размеров мозга практически наверняка связано с появлением ряда важных «человеческих» черт — систематическим изготовлением орудий труда, охотой, появлением «стоянок» или лагерей и использованием огня. В добавление к выше сказанному, овладение всеми этими навыками помогло предкам современного человека впервые выйти за пределы Африки.

До недавнего времени считалось, что *Homo erectus* — сравнительно простой для классификации вид и определенно занимает промежуточную позицию между австралопитеком и современным человеком, хотя и более близок к первому, чем к последнему. Сейчас это утверждение подвергается некоторым сомнениям. В частности это касается азиатских образцов, наиболее ранние из которых происходят из раскопок в Маджокерто и Санигираме на реке Соло в Индонезии (хотя их изначально определенный возраст в 1,6 млн лет кажется нелепым). Эти останки значительно отличаются от найденных в Европе — а и те и другие отличаются от скелетов *Homo erectus*, найденных в Африке, возраст которых примерно 500 000 лет. Недавно возникшие теории предполагают, что только африканский тип развивался в современного человека — *Homo sapiens*.

1.4. Происхождение современного человека

В последние несколько десятилетий происхождение современного человека, самонадеянно назвавшего себя *Homo sapiens* — «Человек

разумный», породило множество споров. Существует две теории, и обе вынуждены объяснить статус и историю карикатурного пещерного человека — неандертальца.

В дискуссиях о происхождении человека на протяжении XX века преобладала информация из Европы. Там были найдены более 300 скелетов неандертальцев, очень хорошие места стоянки древних людей периода известного как верхний палеолит (примерно с 30 000 года до нашей эры), а также обнаружены обширные расположения пещерных росписей на юго-западе Франции и севере Испании. Эти места казались центром наступления человека в тот период — точка зрения, соответствующая преобладающим евроцентристским убеждениям. Следуя теории Дарвина, эксперты соглашались с тем, что дальних предков человека следует искать в Африке, но как только первые гоминиды вышли за пределы этого континента, сразу последовал значительный прогресс в развитии. И хотя были разоблачены несколько подделок, таких как «пилтдаунский человек», все равно существовало убеждение, что *Homo sapiens* развился на территории Европы — вероятно, не более 40 000 лет назад. Однако нельзя и далее поддерживать эту точку зрения.

В 1980-е годы появились две теории, объясняющие происхождение *Homo sapiens*. Первая, выдвинутая Милфордом Уолпофом, известна как «модель канделябра»*. Она утверждает, что все популяции *Homo erectus*, жившие на территории Европы, независимо друг от друга развились в архаичные формы *Homo sapiens*, а затем в современного человека. Это означает, что разные типы людей по всему земному шару (то есть то, что люди сто лет назад назвали бы «расами») были отделены друг от друга в течение длительного промежутка времени — возможно, более чем в полмиллиона лет. Согласно этой теории, европейские неандертальцы представляли собой всего лишь европейский вариант архаичного *Homo sapiens*, который затем превратился в современного человека.

До недавнего времени казалось, что многие находки подтверждают эту гипотезу — в частности, два черепа из Сванскомба и Стейнхейма в Европе, возраст которых 200–300 тысяч лет. Считалось, что размер мозга обладателей этих черепов был больше, чем у *Homo erectus*, и они сами были первым свидетельством начала развития в *Homo sapiens*. По данным современного анализа можно предположить, что и эти черепа, и черепа из Петралоны в Греции (возраст 300–400 тысяч лет), а также останки из Араго во французских Пиренеях (около 200 тысяч лет) демонстрируют очень явные архаичные черты, судя по которым их обладателей можно считать предками неандертальцев, а не современного человека.

Другая серьезная проблема «модели канделябра» состоит в том, как объяснить развитие неандертальца в *Homo sapiens*. Проблема эта возникла

* Имеется в виду несколько линий параллельного развития, в графическом исполнении напоминающие изображение канделябра с несколькими свечами. (Прим. ред.)

тогда, когда на раскопках в Хакноферзанде (около Гамбурга) и в Сент-Сезар в Шаренте были найдены два тела неандертальцев, которые проживали там примерно 31–36 тысяч лет назад. В это время *Homo sapiens* жил на территории Западной Европы и совсем уже заменил неандертальцев в Юго-Западной Азии.

Вторая теория, известная как модель «Ноева ковчега», была предложена Кристофером Стринджером и Клайвом Геймблом. Она утверждает, что *Homo sapiens* развился сразу и в одном месте, а потом распространился по всему миру и постепенно вытеснил старые формы. Основой для этой теории послужили археологические работы в Африке. Они показывают, что высокоразвитые орудия труда, обычно ассоциирующиеся с европейскими находками в возрасте 60 000 лет, делались в Африке на 140 000 лет раньше, а орудия, ассоциируемые с развитыми охотниками, жившими в Европе примерно 20 000 лет назад, делались в Африке на 60 000 лет раньше. В дополнение к этому находка мужского скелета в Омо Кибиш в Эфиопии, возраст которого составляет 130 000 лет, показывает, что вполне современные люди жили намного раньше, чем об этом ранее считалось. Дополнительные доказательства в пользу этого утверждения были получены в результате тщательных исследований черепа, обнаруженного в пещере Кафзех в Ливане. Нет сомнений, что его форма абсолютно современная, а его возраст 90 000 лет. Это означает, что полностью современный *Homo sapiens* существовал на этой территории по крайней мере в течение 45 000 лет, наряду с более архаичными видами человека, включая неандертальцев, вплоть до того, как последний не вымер.

Продолжающаяся работа над окаменелыми останками из Африки и Юго-Западной Азии ныне дает нам более ясную картину развития *Homo sapiens*. Ранние формы *Homo sapiens* развились в Африке около 200 000 лет назад из популяции *Homo erectus* — в то время у них был более высокий свод черепа и другие более современные анатомические черты. Как минимум 100 000 лет у них уже осталось совсем мало архаичных черт, а несколько популяций совсем современных людей существовали в Восточной и Южной Африке. Затем современные люди вышли за пределы Африки и уже 90 000 лет назад обнаруживаются в Юго-Западной Азии, а потом распространились по всей остальной Азии и Европе.

Теория развития *Homo sapiens* только в Африке находит подтверждение в недавних работах по молекулярной биологии и генетике. Уровень генетической вариативности у людей по всему миру очень невысок. Представляется маловероятным, что такое единообразие получилось в результате независимого развития *Homo erectus* в современного человека одновременно в Европе, Африке и Азии, как это предполагает «модель канделябра» — не было достаточного скрещивания и обмена генами для того, что бы предотвратить значительные различия. В конце 1980-х годов были проведены работы по изучению ДНК в митохондриях человеческих клеток, которые наследуются только по материнской линии и накапливают мутации быстрее, чем ДНК ядер. Результаты этих работ также подтверждают изложенную теорию. Эти исследования

показывают, что различия между людьми в разных частях света не только очень малы, но также и возникли совсем недавно. Оценка скорости накопления изменений в ДНК в митохондриях предполагает, что все различия случились в последние 200 000 лет.

Эта работа вместе с работами о ДНК ядер и распределении групп крови подтверждают, что существует ясное разделение человечества на группы: с одной стороны на африканцев, а с другой — на европейцев и азиатов. Первоначальное разделение на африканцев и не-африканцев произошло 100–130 тысяч лет назад, а последующие разделения — немного позже. Анализ показывает: то, что уровень разнообразия ДНК у африканцев выше, чем у другой части человечества, всего лишь следствие того, что у них было больше времени для его накопления.

Таким образом, сведения археологии и генетики подтверждают процесс развития современного человека. Около 200 000 лет назад (или немного позже) предки современного человека обнаруживаются где-то в Восточной Африке. Через 100 000 лет они превращаются в *Homo sapiens* и распространяются за пределы Африки в Юго-Западную Азию, где живут наравне со старыми формами человека и постепенно сменяют их. Фундаментальное единство мировой истории в том и состоит, что все мы произошли от очень маленькой группы ранних людей, появившейся в Африке, а затем распространившейся по миру.

Где же в этой новой картине место для европейской неандертальцев? Во-первых, следует признать, что с самого первого открытия частично сохранившегося скелета в пещере Фельдговер в Неандертальской долине около Дюссельдорфа в 1856 году о «неандертальцах» сложилось плохое мнение. Все началось с ошибочных ранних реконструкций их облика — квадратные тела, тяжелые конечности, огромные лицевые дуги. На практике неандертальцы были искусными охотниками, у них была развитая культура. Их тела и руки были подобны членам современных людей, а размеры мозга даже немного больше. Их отличие от современных людей состояло в более тяжелых костях конечностей, большей силе мускулов, слегка покатым лбе и более выдающихся надбровных дугах, чем у современного человека. Самая ясная разработка «классических» неандертальских черт проведена на скелетах из Европы. Следует понимать, что скелеты из других мест являют большее разнообразие и меньшую экстремальность их внешнего облика.

Корни неандертальцев уходят на 250 000 лет назад и лучше всего рассматривать этот вид, как архаичную форму человека, ареал обитания которой ограничивается Европой и Юго-Западной Азией. Сейчас понятно, что они не превратились в современных людей и не скрещивались с *Homo sapiens*. Постепенно их место было занято более приспособленными людьми, развившимися в Африке. Во многих местах два типа людей жили в непосредственной близости в течение значительного времени, и лишь незначительное преимущество *Homo sapiens* позволило ему со временем взять верх.

Судя по компьютерным моделям из-за того, что смертность неандертальцев была на два процента выше смертности *Homo sapiens*, за тысячу лет неандертальцы вымерли по всей западной Европе. На практике замещение одного вида другим заняло гораздо больше времени, так как различия между ними действительно были чрезвычайно малы. Тем не менее 30 000 лет назад неандертальцев уже не было и в их последнем убежище, Западной Европе, и *Homo sapiens* были единственными людьми в мире.

1.5. Мозг и язык

Самая основная черта человеческой эволюции за почти 4 миллиона лет, отделяющая *Australopithecus afarensis* от *Homo sapiens*, заключается в серьезном и относительно быстром росте размеров мозга. Это легко обнаружить при измерениях черепов, однако объяснить куда труднее. Объем мозга австралопитека составлял примерно 400–500 куб. см. У *Homo habilis* он на 50 % больше, и в два раза больше у *Homo erectus*. У современных людей его объем увеличился до 1100–1400 куб. см. Ни у какого другого животного не произошло увеличения мозга в три раза за три миллиона лет — лишь у приматов, у которых размер мозга и так был значительным.

Однако мозг человека не только больше мозга обезьяны, он еще и гораздо эффективнее организован. В нем сокращены области, ответственные за дубликацию, и освобождены участки для выполнения дополнительных заданий. Некоторые эксперты полагают, что мозг такой структуры наблюдается уже у австралопитеков, хотя большинство ученых склонны думать, что он появился у *Homo habilis* и *Homo erectus*.

Развитие человека уникально. Период беременности у человека примерно такой же, как и у человекообразных обезьян, — но уже при рождении мозг человека в два раза больше мозга обезьяны. Рост человеческого мозга продолжается примерно в течение 12 месяцев после рождения, и человеческий детеныш намного дольше остается более беспомощным, чем детеныш обезьяны. Таким образом, первым гоминидам пришлось обучиться более тщательной заботе о детенышах, что не могло не иметь важных последствий для их социальной организации. Следовательно, расстояние в умственном развитии между человеком и родственными человекообразными обезьянами намного больше, чем это обуславливается анатомическими различиями.

Самый трудный вопрос состоит в том, почему мозг гоминидов, а затем и человека, так быстро увеличился в размерах. Ранние теории подчеркивали значение изготовления орудий труда и охоты — однако сейчас этим факторам придается меньшее значение, так как мы практически уверены в том, что они навыки появились уже после увеличения мозга.

Изучение жизни приматов и функционирования их социальных групп предполагает, что именно этот аспект жизни сыграл важную роль в

человеческой эволюции. Уже ранние гоминиды жили в группах, и их способность функционировать, процветать, взаимодействовать и воспроизводиться внутри этих групп заставила их мозг адаптироваться к новым условиям и, как следствие, увеличиваться в размерах. В частности, сюда включается и возможность передачи накопленной информации следующим поколениям.

Главным механизмом стал язык — особенность, присущая только человеку. В археологии невозможно отследить развитие языка. Тем не менее голосовой аппарат человека уникален. Гортань находится в шее низко, так низко, что это является главным недостатком — следует закрывать проход для воздуха во время глотания, для того чтобы не подавиться. А преимущество заключается в пространстве над гортанью, которое позволяет производить разнообразные звуки — говорить. У человека гортань движется вниз по шее примерно с возраста 18 месяцев и создает возможность говорить. К счастью, положение гортани отражается на основании черепа и, таким образом, остается на ископаемых останках.

Высшие приматы, в частности человекообразные обезьяны, могут издавать большое количество звуков, но этого недостаточно для сложного развитого языка. У австралопитеков была подобная гортань — следовательно, они не могли произносить звуки более сложные, чем обезьяны. Гортань *Homo erectus* предположительно находилась так же низко, как у восьмилетнего ребенка, что по крайней мере делало возможным существование какого-то примитивного языка. Вероятно, что эта и другие способности, связанные с увеличенным размером мозга, позволила первым людям выйти из Африки и освоить гораздо более трудную среду обитания.

Анатомия черепа неандертальца предполагает, что у них был очень ограниченный речевой потенциал и, следовательно, лишь зачатки языка. С появлением самых ранних групп *Homo sapiens* наблюдается и развитие современной формы гортани — а вместе с ней и возможность развития полномасштабного языка. Более крупный и лучше интегрированный мозг также был необходим для контроля и понимания речи, а также для возможности развития сложного синтаксического строя языка.

Развитие языка дало первым *Homo sapiens* огромное эволюционное преимущество. Это сразу становится понятным при социальном взаимодействии внутри группы и в таких действиях как охота, где необходим высокий уровень кооперации. Еще более важным представляется накопление знаний и развитие культуры и способность передавать их другим людям, в частности, следующим поколениям. Кажется вероятным, что значительные изменения в человеческом поведении, производство все более сложных орудий труда, развитие навыков охоты и собирательства и первые признаки искусства и религиозных верований (что будет являться предметом изучения следующей главы) — все это зависит от развития речи и языка.

человеческой эволюции. Уже ранние гоминиды жили в группах, и их способность функционировать, процветать, взаимодействовать и воспроизводиться внутри этих групп заставила их мозг адаптироваться к новым условиям и, как следствие, увеличиваться в размерах. В частности, сюда включается и возможность передачи накопленной информации следующим поколениям.

Главным механизмом стал язык — особенность, присущая только человеку. В археологии невозможно отследить развитие языка. Тем не менее голосовой аппарат человека уникален. Гортань находится в шее низко, так низко, что это является главным недостатком — следует закрывать проход для воздуха во время глотания, для того чтобы не подавиться. А преимущество заключается в пространстве над гортанью, которое позволяет производить разнообразные звуки — говорить. У человека гортань движется вниз по шее примерно с возраста 18 месяцев и создает возможность говорить. К счастью, положение гортани отражается на основании черепа и, таким образом, остается на ископаемых останках.

Высшие приматы, в частности человекообразные обезьяны, могут издавать большое количество звуков, но этого недостаточно для сложного развитого языка. У австралопитеков была подобная гортань — следовательно, они не могли произносить звуки более сложные, чем обезьяны. Гортань *Homo erectus* предположительно находилась так же низко, как у восьмилетнего ребенка, что по крайней мере делало возможным существование какого-то примитивного языка. Вероятно, что эта и другие способности, связанные с увеличенным размером мозга, позволила первым людям выйти из Африки и освоить гораздо более трудную среду обитания.

Анатомия черепа неандертальца предполагает, что у них был очень ограниченный речевой потенциал и, следовательно, лишь зачатки языка. С появлением самых ранних групп *Homo sapiens* наблюдается и развитие современной формы гортани — а вместе с ней и возможность развития полномасштабного языка. Более крупный и лучше интегрированный мозг также был необходим для контроля и понимания речи, а также для возможности развития сложного синтаксического строя языка.

Развитие языка дало первым *Homo sapiens* огромное эволюционное преимущество. Это сразу становится понятным при социальном взаимодействии внутри группы и в таких действиях как охота, где необходим высокий уровень кооперации. Еще более важным представляется накопление знаний и развитие культуры и способность передавать их другим людям, в частности, следующим поколениям. Кажется вероятным, что значительные изменения в человеческом поведении, производство все более сложных орудий труда, развитие навыков охоты и собирательства и первые признаки искусства и религиозных верований (что будет являться предметом изучения следующей главы) — все это зависит от развития речи и языка.

Глава 2. Собираательство и охота

Судя по окаменелостям, возраст первых гоминидов (предков человека) составляет почти 4 млн лет. Первые прямые предки человека (*Homo erectus*) развились около полутора миллионов лет назад, а современные люди (*Homo sapiens*) — около 100 000 лет назад.

Что представлял собой мир, в котором они жили? Как они там выживали? Как они смогли выйти из Африки и заселить всю планету?

2.1. Мир первых людей

Примерно 2,5 млн лет назад, в период развития первых людей, климат Земли являлся относительно постоянным и был несколько теплее, чем сейчас. Однако медленный процесс дрейфа континентов примерно 1,5 млн лет назад привел их в северное полушарие, близко друг другу в высоких широтах, что привело к образованию большой ледяной шапки и к значительным колебаниям температуры. Трудно установить, каким именно был климат ранее, чем 700 000 лет назад, — но с тех пор произошло несколько основных перемен в температуре, которые выразились как минимум в девяти ледниковых периодах, периодичностью примерно в 90 000 лет и лишь с несколькими редкими межледниковыми потеплениями.

Теория, объясняющая эти колебания в температуре Земли, была выдвинута в 1920-х годах югославским ученым Милутином Миланковичем. Он предположил, что эти изменения вызваны тремя факторами, связанными с положением планеты в космосе. Во-первых, орбита Земли вокруг Солнца представляет собой не круг, а эллипс, и время года, в

Глава 2. Собирачество и охота

Судя по окаменелостям, возраст первых гоминидов (предков человека) составляет почти 4 млн лет. Первые прямые предки человека (*Homo erectus*) развились около полутора миллионов лет назад, а современные люди (*Homo sapiens*) — около 100 000 лет назад.

Что представлял собой мир, в котором они жили? Как они там выживали? Как они смогли выйти из Африки и заселить всю планету?

2.1. Мир первых людей

Примерно 2,5 млн лет назад, в период развития первых людей, климат Земли являлся относительно постоянным и был несколько теплее, чем сейчас. Однако медленный процесс дрейфа континентов примерно 1,5 млн лет назад привел их в северное полушарие, близко друг другу в высоких широтах, что привело к образованию большой ледяной шапки и к значительным колебаниям температуры. Трудно установить, каким именно был климат ранее, чем 700 000 лет назад, — но с тех пор произошло несколько основных перемен в температуре, которые выразились как минимум в десяти ледниковых периодах, периодичностью примерно в 90 000 лет и лишь с несколькими редкими межледниковыми потеплениями.

Теория, объясняющая эти колебания в температуре Земли, была выдвинута в 1920-х годах югославским ученым Милутином Миланковичем. Он предположил, что эти изменения вызваны тремя факторами, связанными с положением планеты в космосе. Во-первых, орбита Земли вокруг Солнца представляет собой не круг, а эллипс, и время года, в

которое она находится ближе всего к солнцу, меняется каждые 100 000 лет. Во-вторых, наклон земной оси меняется каждые 40 000 лет. В-третьих, существует еще и прецессия земной оси, которая также завершает свой цикл каждые 26 000 лет. Миланкович предполагает, что разнообразных комбинаций этих факторов достаточно для объяснения климатических колебаний. В частности, основным фактором была температура в высоких северных широтах летом, где образование арктической зоны позволяло накапливаться снегу, если летняя температура была недостаточно высока, чтобы его растопить. А так как солнечное тепло отражалось от яркого снега обратно в космос, то эта тенденция усиливалась.

Работа Миланковича оставалась чисто теоретической до конца 1960-х годов, когда произошел прорыв в изучении климата. Появились технологии, позволяющие брать пробы из глубины льдов, покрывающих Гренландию, и с морского дна (в частности, из Тихого океана), а также измерять мельчайшую разницу в количестве кислорода, присутствующего в разных уровнях этих проб. Анализ проб позволил описать достаточно детально хронологию изменения климата и подтвердить наличие разных циклов, выявленных Миланковичем.

Примерно 700 000 лет назад началось стабильное понижение температуры, которое привело к образованию в Северном полушарии гигантских ледяных полей. Пик оледенения имел место примерно 525 000 лет назад, когда количества замороженной воды, накопившейся в ледяных полях, оказалось достаточным, чтобы понизить уровень моря на 650 футов по сравнению с современным. Другой ледниковый период случился примерно от 180 000 до 128 000 лет назад, за ним последовал краткий межледниковый период, когда климат был теплее, чем теперь — в Темзе плавали гиппопотамы, которые жили на территории современного Йоркшира.

Примерно 113 000 лет назад ледник снова начал увеличиваться, достигнув своего максимума 73 000 лет назад. Затем наступил период холода с резкими колебаниями температуры, климат сильно ухудшился. Пик последнего ледникового периода продолжался от 30 000 до 18 000 лет назад. В это время ледяной панцирь покрывал Северную Америку до Сент-Луиса и большую часть Северо-Западной Европы, а территория безлесной тундры и степи простиралась до района Средиземноморья. Уровень моря был на 425 футов ниже современного, континентальный шельф Юго-Восточной Азии был оголен, а Берингов пролив был сушей.

Климат стал значительно теплее около 11 000 лет до нашей эры. Ледяной панцирь быстро отступил — после 8500 года до нашей эры уровень моря поднимается на 90 футов за каждую тысячу лет. Примерно в 6000 году до нашей эры появились Балтийское и Северное моря, а Великобритания стала островом.

2.2. Охотники или собиратели падали?

Первые гоминиды развились в Африке, где климат был достаточно однородным, а колебания небольшими, однако они были достаточны,

чтобы произошли крупные перемены в характере растительности. Каким образом эти создания использовали свою окружающую среду и находили достаточно пищи? Первый шаг адаптации был предпринят обитающим на деревьях *Australopithecus afarensis*, когда он поменял жизнь на деревьях — привычную среду обитания приматов — на наземный образ жизни в саванне. Единственный примат, последовавший его примеру, это бабуин — небольшое существо, занявшее экологическую нишу, не используемую большими стадами травоядных животных саванны. Тем не менее первые гоминиды были прямоходящими животными средних размеров. Сначала они, вероятно, употребляли обычную для приматов еду — фрукты, орехи, листья и насекомых, словом, все, что могли найти. Хотя пища была разбросана по всей территории саванны, эти первые гоминиды, вероятно, использовали для ее поиска и раздела свою социальную организацию. Для этого требовалась лишь минимальная адаптация обычной социальной организации приматов.

На какой-то стадии эти создания начали питаться мясом — поведение, необычное для приматов. Этот факт вызвал оживленные дискуссии о природе эволюции гоминидов и ее влиянии на людей. Традиционная точка зрения заключалась в том, что ранние гоминиды охотились на животных, приносили их туши в свои лагеря (или «стоянки»), где их разделяли, используя примитивные каменные орудия. Эта точка зрения подтверждалась на конференции под названием «Человек-Охотник» в Чикаго в середине 1960-х годов и популяризирована такими писателями, как Роберт Эрдри в книге «Африканское происхождение».

Выдвигалась также точка зрения, что движущей силой эволюции гоминидов и главным фактором человеческого поведения стали технические и организационные задачи охоты. Некоторые самые древние археологические находки могут быть истолкованы в подтверждение этой гипотезы. Находки в Кубри Фора, датированные примерно 1,8 млн лет, содержат кости мертвых гиппопотамов, окруженные примитивными каменными орудиями. На более крупных раскопках в Олдувае (занимающих территорию в 1200 квадратных футов) найдено огромное количество звериных костей и более 4000 каменных орудий. Археолог Луис Лики считает, что это была классическая стоянка древних людей, где они жили, спали, куда приносили туши животных, что бы освежать и съесть. Вся эта деятельность предполагает достаточно высокую степень социальной активности и объединение в группы, подобные тем, которые мы находим у современных охотников-собирачелей.

Более поздние исследования меньше льстят ранним гоминидам, предполагая, что их поведение было намного менее «человеческим». Изучение современных племен охотников и собирачелей, вооруженных луками с отравленными стрелами и копьями с металлическими наконечниками, показывает, что их охота бывает удачной лишь в трети случаев. Первые гоминиды были лишены этих орудий, а вдобавок у них был очень маленький мозг и отсутствовал язык для координации действий.

Охота была за гранью их возможностей*. Как же следует трактовать ранние стоянки, приписываемые нашим предкам? Двое археологов, Глайн Айзек и Льюис Бинфорд, снова исследовавшие раскопки в Олдувае в начале 1980-х, выдвигают предположение, что первые гоминиды являлись собирателями падали. То, что звериные кости находили наряду с каменными инструментами, не свидетельствует о том, что на первые гоминиды на этих животных охотились. Эти стоянки были не человеческими лагерями, а охотничьими угодьями хищников или же местами, где животные умирали естественной смертью. Первые гоминиды приходили туда после ухода хищников, собирали падаль, использовали каменные ножи для того, что бы отрезать куски мяса, а также чтобы разбивать кости и добираться до костного мозга. Тщательный анализ костей показывает, что лишь немногие из них были расчленены и освежены, а во многих случаях отметки каменных инструментов легли поверх отметин зубов хищников. Среди остатков находили и кости гоминидов, обглоданные хищниками. А в других местах, вероятно, гоминиды складывали некое количество костей там, где хранили свои инструменты. Эти существа, возможно, строили убежища — но наиболее безопасные места для сна, скорее всего, были на деревьях, куда они с легкостью забирались с помощью своих длинных рук.

Представляется очевидным, что единственное преимущество, которым обладали первые гоминиды, состояло в их умении изготавливать и использовать инструменты, особенно из камня — первая ступень технологического развития человека. «Инструменты» используются многими животными — морские выдры пользуются камнями для того, чтобы разбивать раковины моллюсков, шимпанзе применяют палки и заостренные травинки, чтобы добраться до термитов, — но никто из них не создает инструменты, хотя бы на том примитивном уровне, как это делали первые гоминиды.

Хотя самые первые из известных нам гоминидов, *Australopithecus afarensis*, большей частью ходили прямо, то есть их руки оставались свободными, не было найдено никаких орудий труда, которых можно было бы им приписать. Однако представляется вероятным, что они подобные орудия были непрочными и просто не сохранились.

Первые известные орудия труда получили название олдуванских и приписываются *Homo habilis*, их возраст примерно 2 млн лет. На первый взгляд они похожи на необработанные куски камня и мало отличаются от природных осколков этой местности. Однако они не настолько примитивны, как кажутся, и их изготовление требует комплексного понимания свойств разных видов камня и способов его раскалывания. Археологи XX века попробовали воспроизвести технику производства

* Автор не учитывает, что в XX веке поголовье диких животных даже в слабо цивилизованных местностях значительно уменьшилось — особенно по отношению к количеству проживающих здесь же людей. (Прим. ред.)

каменных орудий — и им потребовались многие часы практики для того, чтобы сделать даже самые грубые образцы. Большинство первых орудий были сделаны с помощью удара твердым биллом — два обломка ударяли друг о друга так, чтобы один в процессе снятия внешних слоев превратился в «сердцевину». Тем не менее, просто ударяя камень о камень не получить орудий труда — «сердцевина» должна держаться под правильным углом, лишь тогда можно отделить внешние слои.

Другие орудия труда изготавливались менее обычными способами — например, большие камни использовались в качестве наковальни. Многие грубые осколки камней с острыми краями фактически и были теми «сердцевинами», из которых делались орудия труда. Потом их выбрасывали, а может быть, некоторые использовались, чтобы дробить кости. Сейчас ясно, что главными орудиями труда были острые каменные осколки — они могли разрезать даже слоновью шкуру.

Эти орудия труда дали *Homo habilis* некоторые значительные преимущества над другими животными; в частности, они могли использовать такие части животных, до которых не могли добраться хищники и другие падальщики. Эти орудия демонстрируют не только высокое мастерство их создателей, но и планирование действий — камни переносились при необходимости на расстояние несколько миль, для того чтобы использовать лучший материал; инструменты делались и приносились на место их применения, а потом зачастую снова уносились для повторного использования. Каменные инструменты наверняка применялись для изготовления деревянных орудий — таких, как палки для копания, хотя они и не сохранились. Ранние технологии показывают, что развитие способностей мозга первых гоминидов обеспечивали ключевые эволюционные преимущества.

2.3. Первые люди

Все останки первых гоминидов, чей возраст больше 1 млн лет, были найдены в Восточной Африке, в пределах 35 градуса северной широты. Тот факт, что эти люди так и не вышли за пределы очень ограниченной территории, где они развивались в течение трех миллионов лет, обусловлен вескими причинами. Эти существа были адаптированы к условиям саванны и не имели ни знаний, ни технологий для жизни в более трудных условиях, где бы требовались новые навыки добычи пищи, особенно зимой. Лишь 1,6 млн лет назад появился прямой предок современного человека — *Homo erectus*, чей больший по размерам мозг обеспечил лучшие каменные технологии, большее количество знаний, увеличил социальное взаимодействие и, возможно, обеспечил появление примитивного языка. Все это было необходимо для распространения человека за пределы Африки.

Обладая этими дополнительными навыками, небольшие группы *Homo erectus* переходили с места на места для того, чтобы использовать разно-

образную сезонную еду, и проходили около 20–30 километров в год. Таким образом, в течение нескольких поколений они легко могли покрыть большие расстояния. Главным направлением этой экспансии был север — долина Нила, оттуда на юго-запад Азии, и, наконец, не более чем за 100 000 лет люди достигли юго-востока Азии.

Оценки возраста ранних человеческих стоянок в Азии крайне противоречивые. Большинство экспертов не допускает того, что их возраст может составлять 1,5 млн лет (то есть с момента появления *Homo erectus*) — но сходятся во мнении, что им примерно по 700 000 лет. Стоянка в Убейдии, около слияния рек Иордан и Ярмук, вероятно, относится к этому периоду, так же как и первая открытая стоянка в Китае (Чжоугоутянь около Пекина), а возраст стоянки в пещерах Лань-Трань может быть с уверенностью определен в 500 000 лет.

Homo erectus посещали Чжоугоутянь в течение как минимум 200 000 лет: в раскопках нашли около 100 000 каменных орудий, 40 человеческих скелетов и останки 60 видов животных. Также это самое раннее из известных нам мест, где человек однозначно пользовался огнем. Первые гоминиды, вероятно, были хорошо знакомы с естественными пожарами, часто возникавшими в саванне. Однако существуют различные весьма спорные точки зрения на то, смогли ли они приручить огонь и были ли они в состоянии добывать его самостоятельно.

Предполагаемый возраст следов костров в Сварткрансе (Южная Африка) и в Чесовании (Зения) составляет 1,5 млн лет, и считается, что они были разведены людьми. Однако, хотя на месте костра на последней стоянке даже камни сложены в форме очага, представляется более вероятным, что эти костры имеют природное происхождение. Тем не менее очевидно, что примерно 700 000 лет назад *Homo erectus* уже был способен разводить и поддерживать огонь. Это был значительный шаг вперед в человеческом развитии. Огонь обеспечивал защиту от хищников, позволял употреблять в пищу более широкий круг растений, так как посредством термообработки из еды удаляются вредные вещества. Его наличие означало, что мясо готовилось, а не съедалось сырым, как это было принято у ранних гоминидов. Согревая людей в ночное и зимнее время, огонь позволил им расселиться по всему земному шару.

Homo erectus обладал и другим ключевым преимуществом — более сложными каменными технологиями по сравнению с первыми гоминидами. Наравне со старыми орудиями труда олдуванского типа, в употребление вошел особый новый набор орудий — его называли ашуйским (по месту стоянки в Сен-Ашуле на севере Франции, где они впервые были обнаружены в XIX веке). Эти орудия труда находят по всей Евразии и Африке, в отличие от Восточной Азии. Там, вероятно, широко применялся бамбук — материал очень легкий в обработке и пригодный для изготовления самых разных вещей, но практически не сохраняющийся, и поэтому его не находят при археологических раскопках.

Основным каменным инструментом ашулийского типа являлся ручной топор. Находят топоры всевозможных форм и размеров, но все они имеют одну черту, отличающую их от олдуванских рубил и скребков, — их грани сходятся в одной точке. Грани тщательно обработаны, в результате чего получаются две больших режущих поверхности и очень острая верхушка. Такая форма орудия пригодна для разделки мяса, однако очень вероятно, что подобными топорами пользовались для самых разнообразных целей. Их также можно было повторно наточить.

В отличие от олдуванских орудий труда, для изготовления ручного топора требовалось намного больше мастерства и силы — а также было необходимо воображение, чтобы понять, как изготовить его из куска камня. Процесс начинался с обтесывания большого куска камня — с помощью камня-молотка длиной в 9 дюймов от заготовки отделялся массивный слой, который потом заострялся путем удаления слоев с двух сторон. Последний этап заключался в использовании «мягкого» молотка (например, рога или кости) для придания орудию окончательной формы.

Ручной топор, кирка, колун и деревянные орудия (возраст самых ранних из них составляет 200 000 лет) использовались для копания и, вероятно, в качестве копий. Они составляли основной набор инструментов *Homo erectus* на протяжении более чем миллиона лет. Каменные инструменты стали немного более сложными, особенно к концу этого периода. Больше внимание стало уделяться процессу подготовки и придания общей формы, до снятия слоев. В целом это был период значительной технологической стабильности, доказывающей, что инструменты были хорошо приспособлены к образу жизни первых людей.

Хотя *Homo erectus* был способен относительно легко приспособляться к тропической и субтропической окружающей среде Азии, освоение Европы оказалось очень трудным процессом, несмотря на более совершенный набор инструментов и использование огня. Лишь временные поселения возникали в приграничных областях — первым людям было нелегко мигрировать с юга на север. Условия были суровыми — полупустынный климат в течение половины данного периода и ледниковые условия в течение большей части времени.

Хотя на этих территориях паслось большое количество разнообразных животных, поиск и охота были сопряжены с огромными трудностями из-за несовершенных орудий. Другая проблема заключалась в том, что в холодное время года людям приходилось проходить значительные расстояния для того, чтобы добыть достаточное количество пищи — они рассеивались, терялись, и в результате этого количество членов группы уменьшалось; в итоге многие группы просто вымирали. Представляется вероятным, что заселение Европы происходило много раз, главным образом в межледниковый период, а с ухудшением климата люди уходили с этих территорий.

Европа была заселена не ранее чем 700 000 лет назад, самая правдоподобная дата — 500 000 лет, после главного Эльстерского обледенения. Вероятно, самой первой достоверной стоянкой является обнаруженная в Исерния ла Пинета в центральной Италии (500 000 лет назад); примерно к тому же времени относится Боксгроув в южной Англии. Очевидно, что во время более благоприятных условий Европа была благосклонна к *Homo erectus*. Стоянки в Торральбе и Амблоне к северо-востоку от Мадрида, чей возраст от 200 000 до 400 000 лет (до сих пор неясно, какой из них считать более правильным), находятся в глубокой болотистой долине, по которой весной и осенью мигрировали животные. Первые люди жили во временных лагерях, они могли проследить передвижение стад и использовать рельеф местности, чтобы заманить животных в закрытые долины и на болота. На стоянке в Амблоне было найдено от 30 до 35 расчлененных слоновьих скелетов, а вся территория была усеяна ручными топорами, колунами и скребками. Черепа слонов были пробиты — для того, чтобы можно было съесть мозг.

2.4. Образ жизни

Очевидно, что *Homo erectus* был способен на более широкое использование окружающей среды, чем первые гоминиды. Образ жизни *Homo erectus*, так же как и образ жизни *Homo sapiens* 100 000 лет назад, был очень похож на тот, который ведут современные племена охотников и собирателей. Таким образом, изучение этих племен может дать понимание того, как жили люди 100 000 лет назад — до развития сельского хозяйства. Результаты этих исследований удивительны: оказывается, современные группы охотников и собирателей имеют доступ к широкому кругу легко добываемой пищи и обладают большим количеством свободного времени.

Первые исследования проводились среди бушменов пустыни Калahari на юго-западе Африки. Вся их экипировка заключалась в палке для копания, простом луке со стрелами и скорлупе страусиного яйца для хранения воды. Одеждой им служили звериные шкуры. Тем не менее взрослый человек работал примерно два дня в неделю, а их диета соответствовала современным стандартам питания. В их рацион входило широкое разнообразие овощей (более 100 видов), хотя основной пищей им служил орех монгонго. Он доступен круглый год, его легко собирать и он очень питателен — полфунта этих орехов (на их сбор уйдет полчаса) по количеству калорий эквивалентно двум с половиной фунтов риса, а по количеству белка — фунту говядины.

Собирательством занимались и мужчины и женщины, но охотой — только мужчины (женщины присматривали за детьми и занимались домашним хозяйством). Однако охота была делом рискованным и отнимала много времени, в то время как обеспечивала в течение года лишь одну пятую часть диеты. Основной ячейкой общества была семья,

но пища делилась между членами группы. Образ существования менялся в течение года, в зависимости от доступности той или иной пищи. Иногда популяция делилась на маленькие подгруппы, а иногда, когда в одном месте пищи было много, там формировались большие группы, обеспечивая условия для социального взаимодействия — свадеб, рассказывания историй и других массовых мероприятий. Эти племена бушменов не видели нужды в занятии сельским хозяйством — как сказал один из них антропологам: «Зачем нам сажать растения, когда в мире так много орехов монгонго?»

Что замечательно в исследовании жизни этих бушменов? Тесными оседлыми племенами, они были вынуждены осваивать сравнительно враждебную окружающую среду, не пригодную для сельского хозяйства. Племена охотников и собирателей в более благоприятных условиях живут так же, но им легче добывать средства к существованию. То же самое было и у первых людей. Большинство из них жили собирательством — охота представляет собой более трудную работу, в экваториальной и в тропической областях она обеспечивает не более трети необходимого продовольствия. Охота на большие стада животных важна в более высоких широтах, на больших пространствах саванн и в тундре. В Арктике охота жизненно необходима. Эскимосы-инуиты разработали изощренные технологии для того, чтобы выжить, приспособившись к окружающим их условиям.

Простота добычи пищи означала, что у собирателей и охотников оставалось большое количество свободного времени, используемое для культурного и социального общения и для сна. Также эта работа, в отличие от занятий сельским хозяйством, постоянна во все времена года. У людей мало личных вещей, так как они мешают при кочевом образе жизни, а при необходимости их можно легко изготовить из подручных материалов. Богатство и наличие средств к существованию не зависят от владения землей — пища и материалы легко доступны в окружающей среде.

Все племена охотников и собирателей зависят от детального знания местной среды, ее перемен в зависимости от времени года и наличия пищи в тех местах, где они находятся. В разные времена года применяются разные стратегии — от интенсивной добычи продовольствия путем частого перемещения на новые места стоянок до долговременных, на несколько месяцев, лагерей, оборудуемых, когда животной или растительной пищи достаточно. Например, несколько групп охотников и собирателей, живших на северо-западном тихоокеанском побережье Америки даже стали оседлыми.

Однако образ существования меняется в зависимости от целого набора деятельности в течение года и от разного состава групп. Наименьшая группа из нескольких семей обычно включает в себя 25 человек и объединяется с другими группами (семь и более) в племена размером до 200 человек как в основную единицу, внутри которой люди женятся.

Более крупные объединения (примерно в 500 человек) собираются около одного раза в год для разнообразных социальных функций.

Обычно группы охотников и собирателей получают сбалансированную пищу и отличаются хорошим здоровьем. Уровень детской смертности составляет 200 на 1000 (в 1890-е годы уровень детской смертности в Вашингтоне составлял 300 на 1000), а средняя продолжительность жизни — примерно 20–25 лет, столько же, сколько в Индии в 1920-е годы. Количество человек в группе остается постоянным за счет детской смертности и оставления стариков и больных. Именно так в течение миллиона лет жили группы первых людей, используя довольно низкий уровень технологий. Этим обеспечивалось стабильное и хорошо приспособленное существование.

2.5. Современные люди

До двух последних десятилетий взгляды ученых в основном сходились на ясном разделении между технологиями, используемыми неандертальцами и *Homo sapiens* в период примерно от 100 000 лет назад. Неандертальцы пользовались инструментами, которые назвали мустерийскими в честь каменного убежища в Ле-Мустье на юго-западе Франции, где они были впервые найдены. Современные люди делали более сложные и меньшие по размеру орудия труда, ассоциируемые со сложными сообществами, которые образовались в южной Франции и северной Испании во время последнего ледникового периода, то есть примерно 20 000 лет назад.

Радикальный пересмотр картины эволюции, произошедший в 1980-е годы, потребовал пересмотреть это простое разделение. Теперь представляется очевидным, что на протяжении десятков тысяч лет, когда *Homo sapiens* жил рядом с неандертальцами и другими старыми человеческими видами, они делали такие же орудия труда, какие ранее ассоциировались лишь с неандертальцами. Однако эти орудия имели значительное превосходство над орудиями, которые производили *Homo erectus*.

Примерно 100 000 лет назад, сначала в Африке, а потом и в Юго-Западной Азии, появилась техника, известная под названием «подготовленная сердцевина». Основной камень теперь сильно обрабатывался для того, чтобы определить размер и форму снимаемых слоев — все это указывает не только на большие технические, но и на возросшие умственные способности в продумывании числа сложных подготовительных шагов для изготовления орудия. При отделении слоев часто использовались пробойники для создания длинных параллельных лезвий. Большинство мустерийских инструментов представляют собой каменные осколки. Было найдено более 60 разных типов подобных осколков на местах разных стоянок, таких как Ком Греналь в Перигоре. Многие из этих осколков могли насаживаться на деревянный наконечник.

Значительным шагом в развитии людей была их способность выживать в Европе в условиях ледникового периода. Примерно в течение 60 000 лет этими людьми были неандертальцы, обладавшие достаточно сложными технологиями и довольно высоким уровнем культурного и социального развития, достаточного для выживания в тех суровых условиях.

За пределами Европы, в частности в Ливане, группы *Homo sapiens* успешно развивались в период между 60 000 и 40 000 лет назад. Неясно, почему они появились в это время (примерно через 40 000 лет после появления современных людей) — вероятно, это связано с развитием языка как ключевого инструмента передачи культуры и технологии. Этот период отмечен появлением числа новых человеческих черт: обустроенных жилых пространств с очагами, защитой от ветра, а также использованием первых хижин, а не просто приспособленных для жилья пещер и скалистых убежищ. В добавление к этому появляется первое примитивное «искусство» — украшение тела и погребение мертвых в могилах.

Главным результатом развития было использование технологии «микрорезвия», что привело и к уменьшению размеров каменных ножей, и к совершенствованию их типов. Эти лезвия тысячами изготавливались из тщательно подготовленных конических или клиновидных «сердцевин». Затем их насаживали на рукоятки из рога, кости или дерева; они служили наконечниками стрел, копий, ножей и скребков. С помощью этой новой технологии из такого же количества камня производилось в 15 раз больше режущих поверхностей, чем по мустерийской технологии. Впервые появляется некая формальная стилистическая вариативность орудий труда, предполагающая, что эти техники могли иметь культурное и социальное значение.

Изучение используемого камня указывает, что некоторые сорта перевозились на очень большие расстояния и что эти особые камни использовались не так, как местный материал. Примерно 40 000 лет назад орудия труда перевозились на расстояние в 200 миль, а разные группы людей обменивались между собой особыми сортами камня и кремня. С камнем обращались очень бережно — три четверти его количества перерабатывалось в орудия труда, из местного кремня производилось не более 5 % орудий.

Эти усовершенствованные технологии и высокий уровень социальной организации появились в Леванте более 50 000 лет тому назад. Затем эти группы современных людей направились в Европу — их первая известная стоянка находится в пещере Бако Киро в Болгарии, ее возраст 45 000 лет. Последним убежищем неандертальцев и мустерийской технологии была Франция, но примерно 30 000 лет назад и сюда пришли *Homo sapiens*. По мере приспособления к новым условиям они работали новые технологии: делали остроги, зубчатые гарпуны, лук и стрелы, а также иглы и нити для производства одежды, необходимой для суровых условий мира в котором они жили.

Именно на юго-востоке Франции и севере Испании в самые суровые годы последнего ледникового периода около 20 000 лет назад сложился замечательный образ жизни охотников и собирателей, известный нам, в частности, по пещерному искусству. В то время большая часть территории Европы, включая почти всю Великобританию, был покрыт гигантским ледяным панцирем толщиной в сотни футов. К югу, примерно до Средиземноморья, простирались степные пространства, кое-где прерываемые небольшими группами деревьев в укрытых долинах. Так как эта степь находилась намного дальше к югу, чем современная Сибирь, климат там был мягче (средняя летняя температура — около 10 градусов по Цельсию, а зимняя — около нуля), а разнообразие животных намного больше, что обеспечивало богатые запасы пищи. На территории Дордони и Пиренеев условия были особенно благоприятны. Дважды в год там происходила сезонная миграция северного оленя: на восток — на летние пастбища, а в речные долины на западе — зимой. Реки изобиловали лососем, а леса были полны черники, малины, желудей и орехов.

Плотность населения здесь была намного выше, чем в других областях Европы, их группы вели полуседлый образ жизни и эффективно использовали огромные стада северных оленей. Главным образом люди обитали в обращенных на юг пещерах, близко к воде и с хорошим видом на олених стада. Вероятно, они пользовались занавесками у входа и даже палатками внутри пещер для обеспечения дополнительных убежищ. Главные стоянки, такие как Верхний и Нижний Ложери в Дордони и Ла-Мадлен, служили, вероятно, местом сбора больших групп людей в то время года, когда пища была в изобилии. Тогда происходили главные социальные события: свадьбы, ритуалы инициации и обмен разными экзотическими товарами, такими как морские ракушки из северной Франции и янтарь с дальнего севера.

Способность местной окружающей среды обеспечить большое количество людей в полуседлом состоянии дала наиболее совершенное искусство среди всех известных групп охотников и собирателей. По всей Юго-Западной Европе находят более 200 пещер с разнообразными видами рисунков на стенах и более 10 000 скульптурных и гравированных объектов. Очевидно, все они имели важное символическое значение для создавших их людей, но попытки понять это значение увенчались лишь частичным успехом.

Самые ранние работы, чей возраст насчитывает около 30 000 лет, представляют собой изображения животных, вырезанные из слоновой кости, гравировки и даже костяную флейту. Так называемые «Венеры» — женские фигурки с преувеличенными грудью, бедрами и ягодицами — обнаруживаются повсеместно от России до Дордони, их возраст примерно 25 000 лет, однако делали их очень недолго. Они хорошо известны, хотя и довольно редки. Их часто ассоциируют с неким обрядом плодородия, но нам такая интерпретация представляется маловероятной, так

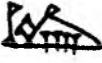
Pictograms		'Classical' Sumerian c2400BCE		Old Babylonian C1700 BCE	PICTURE	MEANING
URUK Upright	c3000BCE	Linear	Cuneiform			
					NECK & HEAD	HEAD FRONT
					NECK & HEAD + BEARD & TEETH	MOUTH, NOSE TOOTH, VOICE SPEAK, WORD
					SHROUDED BODY (?)	MAN
					SITTING BIRD	BIRD
					BULL'S HEAD	OX
					STAR	SKY HEAVEN-GOD GOD
					STREAM OF WATER	WATER SEED FATHER SON

Схема 2. Эволюция клиновидного письма

как лишь несколько фигурок представлены беременными, а половые органы часто не подчеркиваются.

Великие произведения пещерного искусства в таких местах, как Ласко и Алтамира, почти все датируются вершиной ледникового периода — примерно 18 000 лет назад, однако до сих пор неизвестно, создавались ли они многими людьми на протяжении тысяч лет, или всего лишь несколькими художниками в коротком промежутке времени. Некоторые животные изображены вокруг естественных каменных выступов — как бы для того, чтобы подчеркнуть движение, но большинство пещер на первый взгляд кажутся просто усеянными изображениями больших и маленьких животных, человеческими фигурами, отпечатками рук, точками и знаками.

Идентификация изображенных животных затруднительна, однако самыми распространенными являются рисунки лошади, бизона, зубра, северного и красного оленей. Хищников, рыб и птиц изображали редко, а грызунов — вообще никогда. Однако один факт очевиден — частота изображенных животных не имеет прямой зависимости от тех видов, на которых действительно охотились, это видно из состава костей, найденных в пещерах. Ясно, что изображения зверей являются не просто картинками, а имеют какое-то символическое значение. Люди не изображались с такой же четкостью, как животные, хотя в пещерах находят множество узоров и отпечатков ладоней. До сих пор идут споры по поводу так называемого «колдуна» — человеческой фигуры, предположительно в маске с рогами на голове и конским хвостом, найденной в Труа Фрер в Аржеже.

Интерпретации этих рисунков вылились в огромное множество теорий. Мысль о том, что это было искусство ради искусства, имеет мало сторонников. Точно так же мало ученых поддерживают гипотезу о том, что это просто была форма охотничьей магии — то есть изображение сцен охоты и убийства животных (а таких на самом деле мало) увеличивало успех на настоящей охоте. Другая гипотеза делит пещеры на зоны, а животных — на мужские и женские особи, отмечающие принадлежность этих зон. Проблема этой точки зрения состоит в том, мы не знаем точной структуры пещер 20 тысяч лет назад. Они, безусловно, не раз менялись за этот период. У разных исследователей существуют абсолютно разные точки зрения на зоны внутри пещеры, на принадлежность тех или иных животных женской или мужской половинам.

Ясно одно — разнообразные точки и линии явно являются частью какой-то системы и добавлялись с течением времени. Они могут быть каким либо способом отмечать время (возможно, лунные циклы). Некоторые части пещер (в частности, более темные внутренние пространства) могли использоваться для неких ритуалов инициации — вероятно для нескольких групп клана.

Изучение современных групп охотников и собирателей, таких как австралийские аборигены, показывает, что у них существует сложная

система верований. Они используют искусство и ритуалы для структурирования и объяснения смысла своего существования — частично через символическое изображение непрерывной связи между животными и человеком и их миром. Очевидно, что пещерное искусство последнего ледникового периода несет сходную функцию.

Условия окружающей среды на юго-западе Европы в разгар последнего ледникового периода были достаточно благоприятны для человека, однако на остальной части континента они оказались более трудными. Открытые равнины были покрыты снегом девять месяцев в году, и существование здесь оказывалось достаточно суровым. Способность к выживанию в этих условиях показывает, что человеческие группы совершили значительный скачок в технологическом и социальном развитии за предыдущие десятки тысяч лет.

Особый образ жизни сформировался в восточной и центральной Европе для использования особых природных ресурсов. Один из них — использование огромных стад северных оленей, дважды в год мигрировавших между зимними пастбищами на севере Германской и Венгерской равнин, а также пространств около Черного моря, и летними пастбищами в Юра, южнее Германской возвышенности и Карпат соответственно. Люди либо шли за оленями в течение года, либо дважды в год устраивали ловушки на пути их миграции.

Часто этих людей представляют исключительно охотниками на оленей, но это не так. На практике охота оказывается крайне неэффективной формой добычи пищи — она может лишь навести панику среди стад. По результатам нескольких серий исследований обнаруженных сезонных лагерей с определением действительного числа убиваемых животных стало понятно, что на самом деле эти люди были пастухами. Они следовали за стадами, загоняли их в долины, где за ними можно было наблюдать и управлять ими, затем отделяли некоторых животных от стада и забивали. Выбор жертвы также был не случаен — в 90 % это были взрослые самцы. Это число очень близко к тому, что мы обнаруживаем у современных оленеводов, и оно очень эффективно. Самцы являются излишком, и размер стада может поддерживаться и без них. Человек и животные жили в тесном контакте, однако этот образ жизни мог обеспечить лишь небольшое количество людей.

Существование других групп первоначально зависело от мамонтов, хотя позже они начали охотиться на бизонов и на песцов (на последних — из-за меха). Стоянка в Дольни Вестоницы на реке Дие в Моравии была постоянным лагерем для 100–120 человек. Ее возраст составляет примерно 25 000 лет. Она замечательна по нескольким причинам. Здесь было найдено несколько обожженных в печах фигурок. Это первые обожженные предметы в мире. Также на стоянке находят признаки организованного человеческого захоронения — что предполагает наличие, по крайней мере примитивных религиозных верований. Были обнаружены

три тела с подвесками из слоновой кости на шее; до того как могила была засыпана, над ними был зажжен костер.

Далее к востоку находятся два интересных места — в Костенках на реке Дон и у Межиричей в долине реки Днепр, к юго-востоку от Киева. Первая стоянка находилась в очень сложных условиях — всего лишь в 430 милях от массивного континентального ледяного панциря. Главная хижина в Костенках занимала 430 кв. футов. Пять хижин в Межиричах были диаметром 22 фута каждая и занимали в два раза большую площадь, чем в Костенках. Фундамент хижин составляли кости мамонта, которые поддерживали более маленькие кости ребер и позвоночника, формировавшие каркас хижины и стропила крыши. Хижины были строго разделены на очаг, рабочие зоны и глубокие ямы в вечной мерзлоте, предназначенные для хранения мяса. Условия обитания в Костенках были настолько суровыми, что там даже были оборудованы подземные помещения.

2.6. Заселение мира

Способность *Homo sapiens* жить в экстремальных условиях ледникового периода в Европе была лишь составляющей общего феномена — распространения людей по миру. Лишь за исключением некоторых островов, это было проделано группами собирателей и охотников, обладающими лишь самыми примитивными технологиями. *Homo sapiens* развился в Африке около 150 000 лет назад, достиг Юго-Западной Азии примерно 100 000 лет назад и затем направился на восток, повторяя путь, пройденный примерно миллион лет назад *Homo erectus*, и 70–60 тысяч лет назад дошел до юго-востока Азии.

2.6.1. Австралия

Около 20 000 лет назад, в разгар последнего ледникового периода, когда уровень моря сильно опустился, в этом районе возникла обширная суша, сейчас известные как Сахул. Она объединила Австралию, Новую Гвинею и прилегающие острова. В то же самое время Малазийский полуостров, Борнео и Суматра сформировали субконтинент Сундра. Однако Сахул никогда не соединялся с увеличенным материком Евразия и всегда был отделен от ближайших островов, Тимора и Сулавеси, по крайней мере 60 милями океана. Таким образом, до Австралии всегда можно было добраться лишь на лодках. Судя по всему, Австралия была заселена задолго до максимального уровня ледника, то есть тогда, когда расстояние до нее было еще больше.

Когда *Homo sapiens* добрался до Юго-Восточной Азии, он, вероятно, довольно быстро адаптировался к условиям окружающей среды, построил лодки из бамбука и добрался до островов — многие из них находились

в пределах видимости с материка. Вполне вероятно, что до Австралии добирались, переходя от одного острова к другому. Случайное путешествие с попутными муссонами на лодке от Тимора до Австралии занимало неделю. Без сомнения, многие первые группы, совершавшие это путешествие, погибли — но в конце концов некоторые выжили. Самая ранняя бесспорная дата освоения Австралии — 33 000 лет до нашей эры. Другие выдвигаемые даты подлежат сомнению, однако, может быть, что это событие произошло и за 48 000 лет до нашей эры. Какой бы ни была точная дата этих путешествий, они происходили раньше и были намного длиннее, чем все известные нам на протяжении тысяч лет морские путешествия. Самые ранние известные путешествия в районе средиземноморья случились 10 000 лет до нашей эры.

Судя по всему, заселение Австралии происходило очень быстро. Старейшие найденные стоянки относятся к 30 000 году до нашей эры, и с тех пор в течение 10 000 лет почти все доступные зоны были заняты. Заселение Тасмании, вероятно, произошло тогда, когда она была связана с Австралией полоской суши между 35 и 27 тысячами лет до нашей эры — самые ранние поселения на Тасмании относятся к 28 000 году до нашей эры. Это были самые южные люди за весь последний ледниковый период — они охотились на обитавшего здесь красного валлаби.

По всей Австралии находят многочисленные образцы доисторического пещерного наскального искусства. Их датировка представляет собой определенную трудность, но возраст пещер Малангангерр на полуострове Арнемленд точно определен в 19 000 лет, а Маннахилл в Южной Австралии — в 16 000 лет, хотя можно предположить, что оба эти места были населены и в 30 000 году до нашей эры. Даже если эти рисунки и более молоды, все равно их можно считать современниками живописи юго-западной Франции и северной Испании.

Можно предположить, что примерно к 10 000 году до нашей эры население Австралии достигло тех размеров, которых Европа достигла в XVIII веке — здесь жило примерно 300 000 человек. Технологическое развитие шло медленно, но аборигены достигли больших высот в культуре — их художественная и церемониальная жизнь были связаны со сложной системой верований. Жители Тасмании, отрезанные от материка, не разработали новых технологий — у них не было каменных инструментов на рукоятки, бумерангов, приспособлений для метания копья, щитов и топоров. Тем не менее они использовали свои 20 типов орудий для охоты и добычи пищи и вели свой обычный образ жизни в течение 30 тысяч лет, пока не были уничтожены за 100 лет с приходом европейцев.

2.6.2. Америка

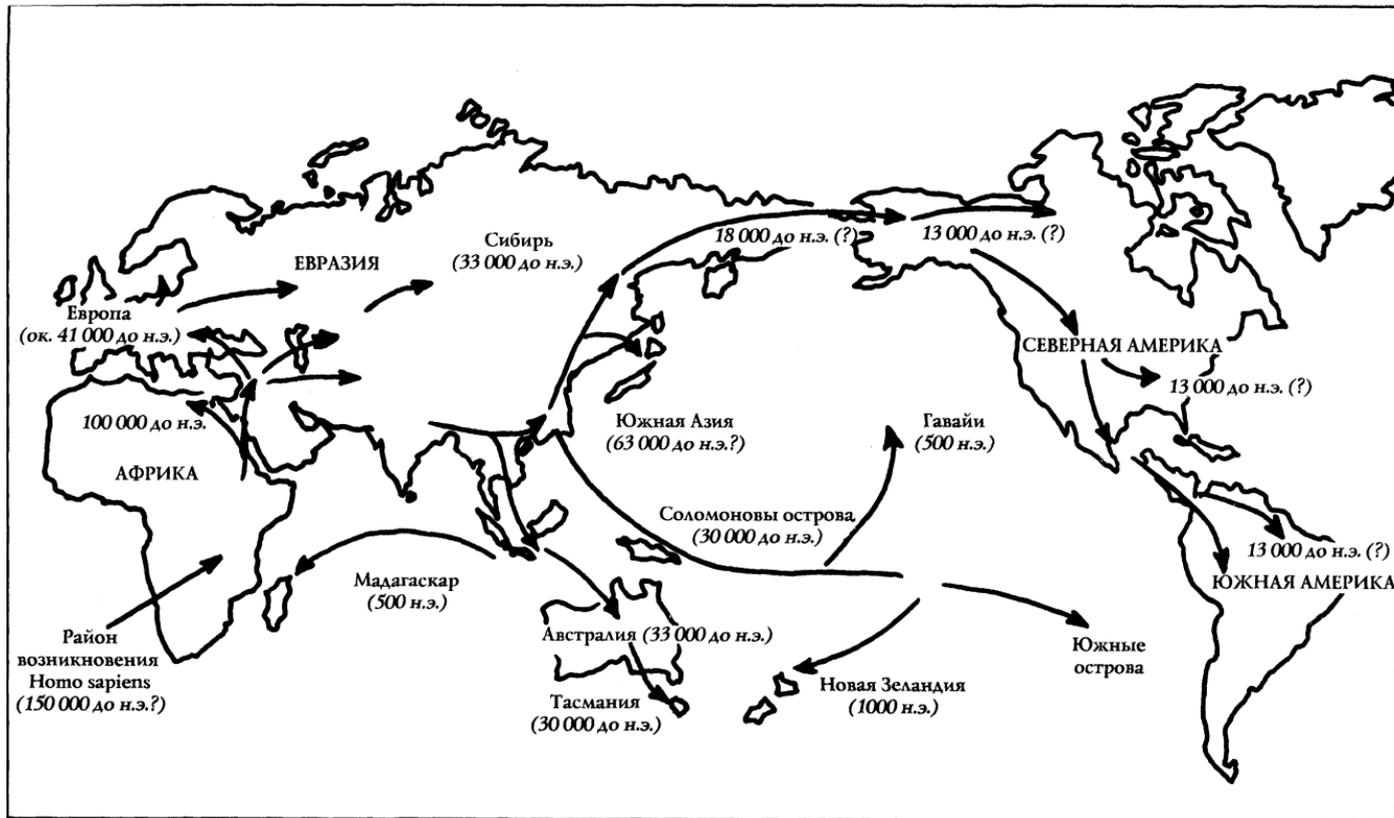
Северная и Южная Америки были заселены последними. Группы охотников и собирателей достигли Сибири и района озера Байкал примерно

40 000 лет назад, а 18 000 лет назад продвинулись далее, в еще более суровую местность северо-востока Евразии и Камчатки. Именно из этих групп образовалось население Америк. Уровень биологической дифференциации внутри коренного населения Америк очень низок и очевидно, что все оно является близкородственными сибирскому населению времен последнего ледникового периода. Низкий уровень моря обеспечивал в то время объединение Сибири, Аляски и Алеутских островов в одно целое. Территория эта была негостеприимной (немного хуже Камчатки), там не было больших стад животных. Она могла обеспечить существование лишь небольших групп людей. Огромные ледяные поля препятствовали движению с Аляски на юг примерно до 13 000 лет до нашей эры. С улучшением климата и отступлением ледяных полей люди последовали за животными на юг.

Точная дата заселения людьми обеих Америк до сих пор не установлена. Самая ранняя датировка сохранившихся памятников — 12 500 лет до нашей эры, сюда относится Медоукрофт-Рок-Шелтер в 30 милях к юго-западу от Питтсбурга. На юге самая ранняя стоянка найдена в Монте-Верде на юге Чили и относится к 10 500–11 000 годам до нашей эры. Это было долговременное поселение на берегу ручья — с домами, очагами и каменными орудиями. Так как позже оно оказалось поглощено болотом, то сохранилось несколько деревянных предметов, возраст которых можно достоверно определить с помощью радиоуглеродного анализа.

Более ранние даты можно поставить под сомнение — например, Бокейро в Педро-Фурада на северо-востоке Бразилии датируется 45 000 годом до нашей эры, но это ложе ручья, которое постоянно менялось, и предполагаемые артефакты почти наверняка имеют не искусственное, а естественное происхождение. Следовательно, подобные даты не согласуются с остальными свидетельствами, утверждающими, что заселение Америк произошло только после окончания последнего ледникового периода.

Когда первые люди двинулись к югу от Аляски, они обнаружили богатый и разнообразный животный и растительный мир. Благодаря этому население быстро увеличивалось и рассеивалось по новым территориям. Из-за большого разнообразия окружающей среды развилось много разных культур и образов жизни. Одной из самых ранних была так называемая культура «Кловис», процветавшая на Великих Равнинах в короткий промежуток времени между 9200 и 8900 годами до нашей эры. Легко передвигающиеся группы людей использовали в качестве основного источника еды большое количество животной и растительной пищи. В течение нескольких десятков лет существовало мнение, что именно эта культура ответственна за глобальное исчезновение на территории Северной Америки в конце ледникового периода нескольких видов. Всего исчезло 35 видов — в основном гигантские травоядные:

Карта 2. Регионы мира

мамонт, мастодонт, горный олень, антилопа-сайга и гигантский бобр, который был размером с бурого медведя. Вместе с травоядными исчезли и хищники, которые на них охотились: саблезубый тигр, лев, американский гепард и гигантский медведь.

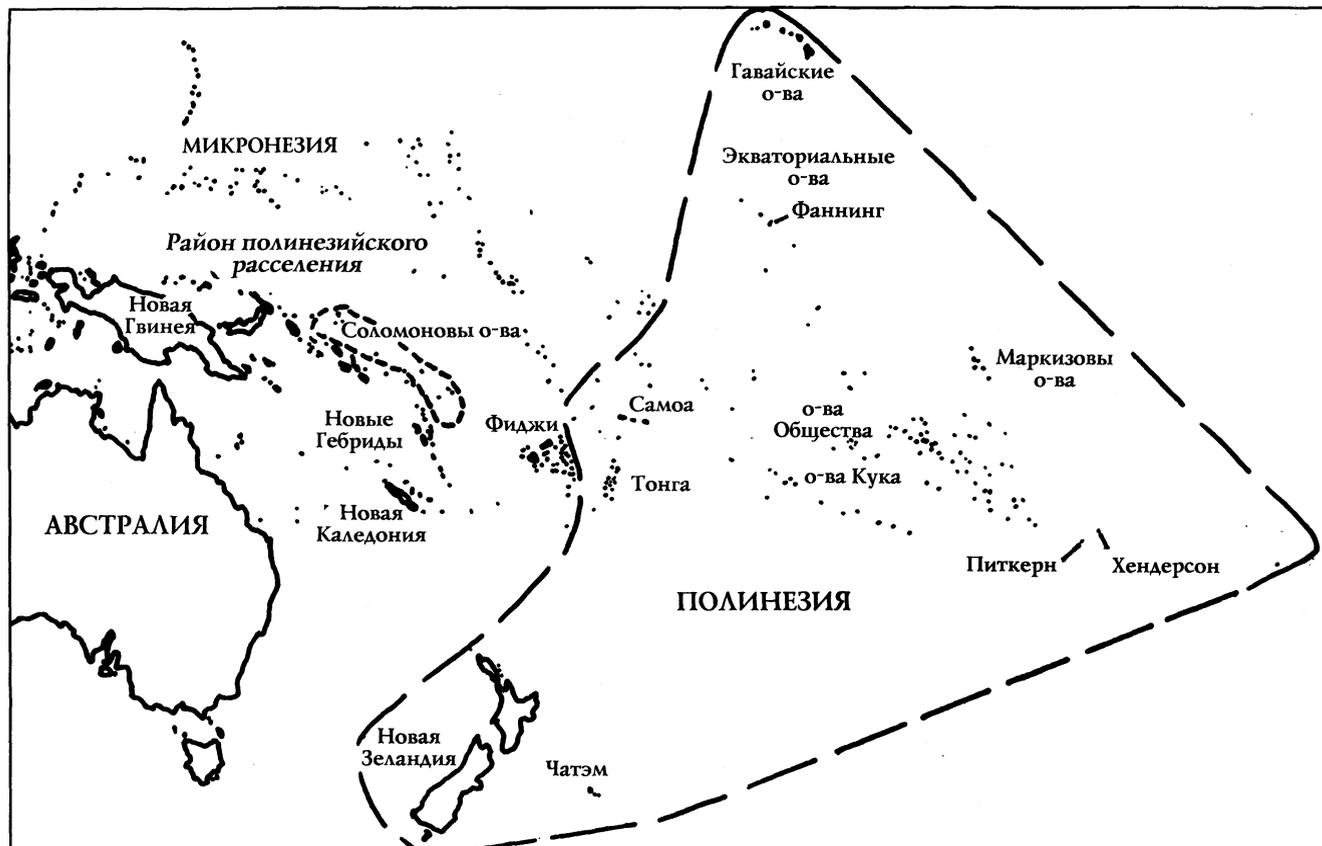
Такое влияние не казалось невозможным, так как хорошо известны примеры полного уничтожения ряда животных видов там, где впервые появлялся человек — в частности, на островах. Однако последние работы ставят под сомнение эту гипотезу. Массовое вымирание указанных видов животных представляется постепенным процессом, не связанным с охотниками-людьми; вероятно, оно началось еще до прихода человека. Растущие сомнения по поводу «человека-охотника» и эффективности этих первобытных охотников также не вписываются в данную теорию. Заметим, что в Европе в конце ледникового периода также наблюдается исчезновение ряда животных: мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя. Однако человек на них практически не охотился.

Вероятно, критическими для этих видов оказались изменения климата в конце ледникового периода, а также вызванные ими изменения в растительности, сезонных температурах и увеличении вегетационного периода. Все вместе они значительно изменили окружающую среду и такие важные аспекты жизни животных, как пути их миграции. Тем не менее вполне возможно, что вторжение человека подтолкнуло некоторые виды, уже страдающие от изменений окружающей среды, к полному вымиранию.

2.6.3. Тихий океан

В последнюю очередь человек заселил отдаленные острова Тихого и Индийского океанов. Это случилось через 10 000 лет после освоения Америки. Совершили это не просто охотники и собиратели, а группы людей, владевшие некоторыми сельскохозяйственными навыками. Мадагаскар был заселен не жителями Африки, а людьми, прибывшими из Индонезии около 500 года нашей эры. Еще более невероятные путешествия совершили по Тихому океану полинезийцы. Их путешествия на отдаленные острова (было колонизировано около 350 этих клочков суши) являются замечательнейшей страницей человеческой истории. Они были совершены без географических знаний, без металлических инструментов, без измерений времени, без навигационных приборов — для того, чтобы найти правильное направление, путешественники полагались лишь на наблюдения за явлениями природы и звездами.

Полинезийцы расселились в пределах огромного треугольника площадью более 20 млн квадратных миль (почти четверть поверхности земного шара) от Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юго-западе и до острова Пасхи на юго-востоке. Больше нигде в мире одна группа

Карта 3. Тихоокеанский регион: «Полинезийский треугольник»

людей не заселяла такую большую территорию и не жила в таких разных условиях. Путешествия эти не были случайными. Их предпринимали группы колонистов, бравших с собой растения и животных. Они плыли на двухкорпусных каноэ (или однокорпусных, но с противовесом), имевших около 70 футов длины и киль, вырезанный из целого бревна. На первый взгляд кажется странным то, что они двигались против господствующих в Тихом океане ветров — однако это обстоятельство обеспечивало сравнительно легкое возвращение назад, если путешествие оказывалось безрезультатным. Лишь позже были предприняты более трудные путешествия на север и на юг.

Полинезийцы в основном селились на берегах Новой Гвинеи и островов Бисмарка, где в 3000—2000 годах до нашей эры возникла особая культура, известная нам как лапитская. Между 1600 и 500 годами до нашей эры группы этих людей выдвинулись в Океанию и заселили острова Фиджи, Самоа и Тонга. Оттуда в 300 году нашей эры (или несколькими сотнями лет ранее) они добрались до Маркизовых островов. Самое дальнее путешествие с запада на восток, на остров Пасхи, было совершено около 500 года нашей эры — оно было самым трудным не только в плане навигации, это был своеобразный тест на выживание.

Главное путешествие на север и на Гавайи было предпринято в то же время. Полинезийцы, оставив привычный юго-восток, двинулись через печально известную зону Долдрам* на север и на северо-восток. Им пришлось преодолеть около 2500 миль от ближайших населенных мест до Маркизовых островов. Еще более трудным оказалось путешествие на юг до островов Общества. В результате этого Новая Зеландия была заселена не ранее 800 года н.э. — а может быть, даже и около 1000 года н.э. Еще более отдаленные острова Чатэм в 500 милях от Новой Зеландии были заселены всего 500 лет назад.

Некоторые поселения вымерли или были покинуты — на островах Фаннинг, Питкерн, Хендерсон — но большинство переселенцев уцелели. Острова, на которых образовались самые восточные и южные поселения — остров Пасхи и Новая Зеландия, — потребовали от колонистов приспособления к окружающей среде. Полинезийцы пришли с островов с субтропическим климатом и привезли с собой растения и животных, из которых лишь часть смогла выжить в совершенно ином климате. В результате поселенцам пришлось привыкать к новым способам добывания пищи. Тем не менее, несмотря на отдаленность от родных мест, переселенцы остались полинезийцами. В этом заключалось главное достижение заселения мира человеком.

* Район возле экватора, характерный частыми продолжительными штормами и резкими ухудшениями погоды. Обычно это название применяется к другому региону — самому узкому месту Атлантики между Африкой и Южной Америкой. (Прим. ред.)

Обзор I

Мир в 10 000 году до н.э.

Население: 4 млн

Главные города: нет

События:

- Отступление ледника. Британия все еще соединена с Европейским континентом. Нет Северного и Балтийского морей.
- Первые группы людей добираются до крайнего юга Южной Америки.
- В Японии охотниками-собираателями изготовлены первые гончарные изделия культуры Дзёмон.
- В Юго-Западной Азии появляются первые деревни, жители которых не только занимаются охотой и собирательством, но и пасут стада газелей.
- Появление полудомашненных овец и коз в горах Загрос — одновременно люди начинают собирать дикие злаки.
- В Средиземноморье появляются первые лодки.

Часть II

Великое перемещение

Глава 3. Растения и животные

В течение более миллиона лет люди жили маленькими мобильными группами, находили себе пищу в дикой среде и занимались охотой. Когда позволяли условия, они собирались в большие группы, а иногда, когда они могли полагаться на особенно богатые источники пищи, даже становились полуседлыми.

Затем, за относительно короткий промежуток времени после окончания последнего ледникового периода, примерно в 10 000 году до н.э. этот стабильный и сбалансированный образ жизни начал меняться. По всему миру люди начали селиться в определенных местностях и вместо того, чтобы просто собирать растения, стали их высаживать на специальных участках земли. В то же время были одомашнены некоторые животные.

Менее чем за 10 000 лет этот образ жизни распространился по всему земному шару. Группы собирателей и охотников остались — но их стремительно вытесняли в пограничные области и в те места, которые нельзя было использовать под сельское хозяйство. К XX веку сохранилось всего лишь несколько таких групп — ныне их изучают антропологи. Переход к сельскому хозяйству был фундаментальным шагом в человеческой истории и привел к тому, что мы называем цивилизацией и записанной человеческой историей.

3.1. Почему сельское хозяйство?

Главный вопрос состоит в том, почему произошла эта перемена в хорошо приспособленном образе жизни. В соответствии с более ранними теориями предполагалось, что преимущества сельского хозяйства столь очевидны, что к нему следовало перейти сразу же, как только человеческий гений, знания и технологии получают соответствующее развитие. Ныне такие простые ответы кажутся куда менее очевидными.

Работы по исследованию сообществ охотников и собирателей показывают, что их жизнь относительно легка — не надо прилагать много усилий для добычи пищи, которая обеспечивала бы сбалансированную и питательную диету и достаточно свободного времени. Что же касается сельского хозяйства, то с ним связано немало проблем. На него затрачивается намного больше усилий, чем на собирательство и охоту, особенно во время посадки и сбора урожая. Большую часть года урожаем надо где-то хранить, что приводит к потерям и возможному воровству. Пусть даже являясь более продуктивным, чем собирательство и охота, сельское хозяйство завязано на несколько культур, что ведет к нехватке продовольствия и даже голоду в неурожайные годы.

Переход к сельскому хозяйству произошел не сразу, а в процессе нескольких попыток по всему земному шару, с использованием разных растений и животных. Основными центрами земледелия стали Юго-Западная Азия, Китай, Месоамерика (Центральная Америка), Анды, тропические области Африки и Юго-Восточной Азии. Намного труднее понять, что происходило в тропиках, так как вследствие влажного климата лишь очень немногие остатки растений находят там при археологических раскопках. Таким образом кажется очевидным, что нельзя применить простое объяснение к каждому случаю.

Выдвинутая несколько лет назад теория приводит доводы в пользу того, что сельское хозяйство возникло в тот момент, когда мировое население достигло такого уровня, что группы охотников и собирателей с трудом находили новые территории для добычи пищи. Таким образом, у них не было иного выхода, кроме как обратиться к более интенсивным способам добывания пропитания, требовавшим больших усилий. Это может частично объяснять случившееся в сравнительно плотно населенной Юго-Западной Азии — но вряд ли подходит для Месоамерики, где первые признаки сельского хозяйства становятся очевидны лишь через 700 лет после первого заселения американского континента.

В прошлом эти фундаментальные изменения называли «неолитической революцией», связывая ее с появлением гончарного ремесла и первых маленьких городов. Однако люди могут вести оседлый образ жизни и без сельского хозяйства — например, коренные жители североамериканского побережья Тихого океана создали высокоорганизованное сообщество, основанное на использовании местных морских

ресурсов. У других групп гончарное ремесло существовало и без сельского хозяйства. Самые первые гончарные изделия были сделаны в Японии примерно 10 000 лет до н.э. группами охотников и собирателей культуры Дзёмон — они продолжали их делать еще в течение 10 000 лет и совсем не занимались сельским хозяйством.

Перемены, последовавшие за переходом к сельскому хозяйству, были далеко не революционными — никто его не «изобретал», процесс шел в течение тысячелетий, внося лишь небольшие изменения в привычный образ жизни от поколения к поколению. Одним из важных аспектов этих перемен был так называемый «эффект храповика». Как только группа начинала получать больше продовольствия, количество ее членов резко возрастало, что делало невозможным возврат к менее интенсивным методам добычи пищи.

Авторы последних работ по этому сложному вопросу считают, что переход к сельскому хозяйству следует рассматривать не как внезапный прорыв, а как часть сложного эволюционного процесса, включающего в себя интенсификацию взаимодействия между человеком, растениями и животными. Группы охотников и собирателей изменяют окружающую среду, способствуя росту необходимых им растений, используя такие методы, как контролируемые поджоги, создание орошаемых территорий и посадка новых растений. Также очевиден тот факт, что примерно 30 000 лет назад группы людей в Евразии были не просто охотниками, преследующими попадавшиеся им стада. Они использовали более совершенные и эффективные тактики управления стадами и могли тщательно отбирать своих жертв. Все эти техники могут рассматриваться как пути к полномасштабному сельскому хозяйству. Технологии обработки орехов и диких злаков (камни для перемола, пестики, ступки и емкости для хранения) появились около 20 000 лет назад — еще до развития сельского хозяйства.

Однако описанный процесс не остановился с появлением последнего. Человек продолжал одомашнивать одни виды животных и растений и отказываться от других. От одомашнивания крупного рогатого скота до «революции производных продуктов» — использования его для получения молока и молочных продуктов — прошло несколько тысяч лет. Одомашненные виды позже распространились по всему миру и выращивались в разных странах.

По всему миру люди одомашнивали разных животных и растения, в зависимости от тех видов, что были распространены в дикой среде обитания. Однако некоторые их черты были сходными. Вероятно, первым одомашненным животным стал волк — но не для того, чтобы обеспечить пропитание. Собаки, произошедшие от волка, дарили человеку свою дружбу, питались остатками человеческой пищи и, вероятно, помогали ему в охоте. Но человек сосредоточил свое основное внимание на мирных медленных животных, неприхотливых в пище и уже живущих в больших группах под управлением вожака — например, овцах и козах. Домашние

животные отделялись от диких и постепенно, путем селекции, получали те или иные необходимые людям признаки.

Большинство культурных злаков самоопыляемые. Это качество позволило первым крестьянам легко отделить их от диких собратьев. Дикие виды очень быстро разбрасывали свои семена, а первые крестьяне автоматически выбирали те, которые дольше оставались на растениях. Такой подход быстро — в течение нескольких лет — еще сильнее отделил одомашненные виды, превращая их в растения, у которых семена отделялись лишь искусственно, с помощью молотьбы. Это ставило способность растения размножаться в зависимость от человека.

Тем не менее разнообразие видов одомашненных растений и животных, наряду с различной скоростью этого и других процессов, происходящих в то время в мире, заставляют подойти к изучению этой самой фундаментальной перемены в человеческой истории на основании регионального подхода.

3.2. Юго-Западная Азия

Именно здесь (из Леванта через юго-восточную Турцию в горы Загрос в Иране) начиналось сельское хозяйство, и именно здесь оно наиболее тщательно изучено. Были найдены дикие предки всех одомашненных растений и животных и все те области, где они были распространены. Большое количество археологических раскопок обеспечило нас сведениями о том, как изменялся способ добывания пищи у разных человеческих групп.

Генетические исследования растений, используемых первыми крестьянами, указывают, что каждое растение одомашнивалось лишь однажды. До сих пор не известно, где это произошло, случилось ли это в одном месте, а потом распространилось — или наоборот, разные группы людей одомашнили разные растения, а потом обменялись ими между собой? Очевидно, что животные были приручены по отдельности, по большей части в горах Загрос, а затем распространились далее на запад.

Какие животные и растения были одомашнены? Самым важным злаком стала пшеница, превосходящая все остальные по питательной ценности. Изначально одомашненные виды — эммер* и однозернянка — более не выращиваются. Они были вытеснены хлебной пшеницей и твердой пшеницей (дурум). Дикорастущая однозернянка все еще широко встречается в Юго-Западной Азии, особенно в северном Ираке и Иране, и все еще выращивалась в средневековой Европе. Эммер был, вероятно, самым важным из ранних видов пшеницы, а ареал его дикого произрастания ограничивался Левантом, северным Ираком и Ираном. Оба вида собирались в дикой среде обитания в течение тысяч лет до

* Двухзернянка, или крахмальная пшеница, ближайший родственник полбы, был широко распространен в России еще в XIX веке. (Прим. ред.)